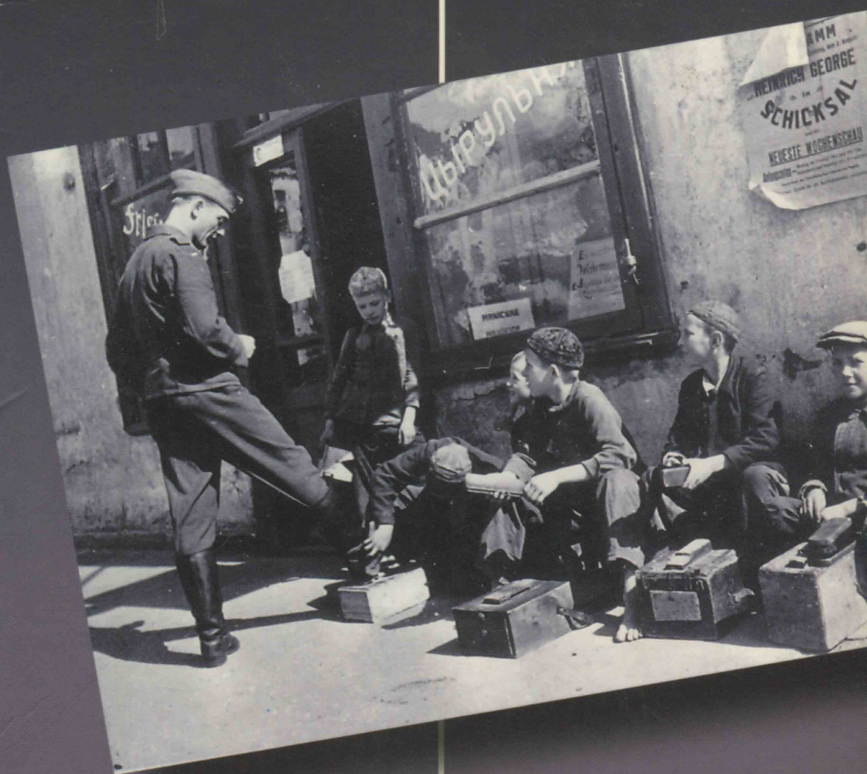

ДЕТСКИЙ ДОМ В тылу врага

К.Э. Соколовский
В.Э. Соколовский

ДЕТСКИЙ
ДОМ
В тылу
врага

К.Э. Соколовский
В.Э. Соколовский

Минск
«Беларусь»
2008

УДК 94(476)
ББК 63.3 (4 Бел)
С 59

*Выпуск издания осуществлен по заказу
и при финансовой поддержке Министерства информации
Республики Беларусь*

Соколовский, К.Э., Соколовский, В.Э.

С 59 Детский дом в тылу врага /К.Э. Соколовский,
В.Э. Соколовский. — Минск: Беларусь, 2008. —
79 с.: ил.

ISBN 978-985-01-0775-6.

Книга повествует о нелегкой судьбе детей, оказавшихся в годы гитлеровской оккупации в созданных нацистами детских домах, где в меру своих сил они боролись за жизнь и освобождение. В их числе были братья Ким и Володя Соколовские. В трудных и трагических условиях они не только поддерживали друг друга и своих сверстников, но и связались с партизанами, подпольщиками, помогли им в сборе информации о враге, распространении листовок, поисках оружия. Впоследствии братьев вывезли в Германию, но они выжили, вернулись домой и многие десятилетия достойно трудились.

Для широкого круга читателей.

**УДК 94(476)
ББК 63.3 (4 Бел)**

ISBN 978-985-01-0775-6

© Соколовский К.Э.,
Соколовский В.Э., 2008
© Оформление. УП «Издательство
«Беларусь», 2008

Слово к читателю

Общаясь с авторами повести «И все-таки мы живы!..» на протяжении долгих лет, я не переставал удивляться их памяти, особенно их памяти о далеком, но таком страшном детстве. Порой даже не верится, что все это произошло, все это пережили, через все это прошли совсем еще дети... Дети войны, дети-узники, дети-подпольщики, дети-партизаны... Это этапы их становления как личностей, как граждан, ответственных за свою Родину.

Неимоверные страдания выпали на их долю. В центре повести братья Соколовские — Владимир и Климентий, их товарищи, разделившие с ними выпавшие на их долю невзгоды: Владимир Гудзик, Феликс Лельчук, Анатолий Мирасов, Виктор Гудыно, Сеня Левкович. Все они с честью вышли из всех перипетий судьбы, и вышли победителями.

Авторы с любовью рассказывают о каждом герое повести. И этим чувством к ним проникаемся и мы, читатели. Все они достойные люди. В этом большая заслуга родителей тех, кто вернулся после войны в свои семьи. В этом большая заслуга и тех, кто заменил многим из них родных и близких. Тех, кто был рядом с ними на протяжении всей их жизни. Благодарность авторов этим людям свидетельствует о благородстве авторов.

Прошлое, настоящее и будущее — это жизнь во всем ее величии и многообразии. Прошлое учит, настоящее убеждает, будущее влечет. Каким будет будущее — в ответе прошлое и настоящее. И это понимают авторы. Об этом свидетельствуют и слова их кумира, легендарного летчика, трижды Героя Советского Союза И.Н. Кожедуба: «Поколение, у которого короткая память, — бесплодно. Только память дает завязаться будущему». К поколению молодых, кому жить в будущем, и обращаются авторы.

В добрый путь тебе, книга!

*А.И. Залесский, доктор исторических наук,
профессор, участник
Великой Отечественной войны*

От авторов

Мы, братья Соколовские, Климентий и Владимир*, прожили уже по семьдесят лет. Книгу мы написали именно в этом возрасте. Почему? Жизненный водоворот закружил нас.

В основном мы созидали, строили... Но мы ни на минуту не забывали о своем тяжелом, трагическом детстве. Такое же детство выпало не только нам с братом, но и многим нашим сверстникам. Мы не просто вспоминали отдельные эпизоды, но, осмысливая все происшедшее, постоянно мучились вопросом: «Почему это случилось с нами, с детьми?» Мы много узнали и поняли многое... Изменения, произошедшие в нашей стране, попытки переписать ее историю, особенно историю Великой Отечественной войны, заставили нас взяться за перо. Мы сочли своим долгом рассказать о войне через призму своих судеб и судеб своих товарищей.

Мы с братом прошли через детские дома на оккупированной территории Беларуси — концлагеря без колючей проволоки, через концлагеря с колючей проволокой на территории Германии, мы были партизанами отряда «Большевик». Мы изведали в полной мере муки и страдания как жертвы нацизма, радость успехов борьбы с врагом — как партизаны.

Мы надеемся, что нам удалось рассказать о прожитом и пережитом.

Мы благодарим за помощь в подготовке книги доктора исторических наук, профессора А.И. Залесского, директора Национального архива Республики Беларусь В.Д. Селеменова, наших друзей военных и послевоенных лет, поделившихся с нами своими воспоминаниями. И среди них прежде всего С.А. Аслезова, крестного отца Климентия на журналистском поприще. Он подарил Климентию одну из своих книг о белорусских партизанах — «Взрыв на рассвете» — с дарственной надписью: «Климентий Эдуардович! Вам, участнику партизанского движения, человеку, вынесшему много страданий, желаю издать книгу о Вашей боевой молодости. С глубоким уважением. С. Аслезов. 4.11.1976 г.» Вот мы и выполнили, Станислав Алексеевич, ваше пожелание. Вас уже нет. Но память хранит о Вас самое дорогое, Вашу любовь к людям. С этим чувством мы и писали эту книгу, с этим чувством мы обращаемся к ее читателям.

Владимир и Климентий Соколовские

---

* Владимир Эдуардович Соколовский умер во время работы над книгой, в 2004 г.

БРАТЬЯ СОКОЛОВСКИЕ

В годы военного
лихолетья

После Победы

В ГОДЫ ВОЕННОГО ЛИХОЛЕТЬЯ

Нас, братьев, в семье было четверо. Володя родился в 1930 г., я* — в 1931-м, Валерий — в 1932-м (он умер от воспаления легких в 1939 году), и в 1940 году родился наш младший брат, всеми горячо любимый Олег. Родились мы все в Минске, на улице Серебрянка. Там наша семья снимала комнату у сапожника. Комната была очень маленькой, всего 6 квадратных метров. И как мы только в ней размещались?! Помнится, младший брат с мамой спали на кровати, я — в ночевках под кроватью, отец — рядом на полу. Позже мы переехали в коммунальную квартиру на улице Советской. Этот дом не сохранился. Учились мы в 47-й средней школе им. И.В. Сталина. Она находилась возле вокзала на улице Свердлова.

Мать, Анастасия Никаноровна Новикова, 1903 года рождения, работала в городском отделе народного образования инспектором по кадрам. Была одним из первых депутатов Минского горсовета.

Отец, Эдуард Степанович Соколовский, родился в 1905 году. Мы очень любили отца, считали его самым лучшим. С ним всегда было интересно. Мы тянулись друг к другу. Отца не отпускали от себя до ночи. Просили рассказать о себе, о его друзьях. В 18-летнем возрасте он был младшим командиром, политработником ЧОНа. Был награжден именной орденом лично С.К. Менжинским. Принимал участие в борьбе с бандами Булак-Балаховича. Ему было о чем нам поведать.

В 1928 году отец успешно закончил Военно-теоретическую школу Красной Армии в Ленинграде, в 1929-м — Качинскую школу военных летчиков в Севастополе. Отец знал лично прославленных братьев — летчиков-испытателей, Героев Советского Союза Коккинаки.

Были в нашей семье и тяжелые времена. В 1934 году по ложному доносу И.Л. Сацункевича отец был исключен

---

* Повествование в книге ведется от имени Климентия Соколовского.

из партии, в рядах которой состоял с 1931 года. Попал под статью «враг народа». Это клеймо испытали на себе и мы, дети. Тем, кто не испытал этого на себе, трудно понять наше душевное состояние. С нами никто не хотел сидеть за одной партой. Пустовали парты и впереди, и сзади. С нас сняли пионерские галстуки. А как они для нас много значили! Мы старались держаться твердо. Во всем следовали отцу. Его слова, что «человек велик делами своими», были для нас правилом жизни. Семья и школа воспитали в нас чувство любви и преданности Родине. К счастью, обвинения с отца были сняты, он был освобожден и восстановлен в партии в 1940 году.

У отца, человека военного, и друзья были военные. Они часто собирались в нашем доме. Вели разговоры о жизни в стране, возможном столкновении Советского Союза с Германией. Это было еще в мирное время. Вечерами за чашкой чая собирались служивший в штабе Западного особого военного округа полковник Андрей Андреевич Кузнецов, полковник Степан Андреевич Данилов и другие. Мы, дети, слушали их затаив дыхание. Наше воображение рисовало радужные победы советских войск. Так же были настроены и взрослые. Не помню, отец или С.А. Данилов как-то сказал: «Война будет долгой, и мы победим... но немалой кровью».

Отец, продолжая этот разговор, ответил:

— Пора, хлопцы, за оружие браться! Если начнется война, надо уходить в лес, начать партизанскую войну.

Они оказались прозорливыми...

В мае 1941 года я окончил 3-й, Володя — 4-й класс. Впереди лето, отдых в пионерском лагере!

В июне 1941 года родители отвезли нас в пионерский лагерь, который находился в 4—5 километрах от Минска, в Дроздах. Отдыхали весело. Купались, загорали — лето стояло жаркое. Уже подходила к концу смена. Все ждали, когда за нами приедут родители. Но этого не случилось. Началась война и разлучила нас с родителями.

Мать с Олегом смогла эвакуироваться из Минска и всю войну находилась в Семипалатинске. Отец с первых дней войны возглавил группы по борьбе с вражескими дивер-

сантами. Потом ушел на фронт. Мы с Володей остались на оккупированной территории. Сколько же нам предстояло пережить за четыре года войны!..

Пионерский лагерь «Дрозды» был расположен под Минском в живописном месте у реки Свислочь. С западной, северной и восточной сторон его окружал сосновый лес, с южной, со стороны реки, — кустарник олешика. Столовая, спальный зимний корпус и изолятор располагались у небольшого холма, у подножия которого проходила проселочная дорога, выходявшая к шоссе Минск—Молодечно. Здание клуба и летние щитовые домики, на восемь человек каждый, размещались в восточной части. В центре лагеря был стадион, на котором каждое утро дети занимались утренней зарядкой, здесь же проходили пионерские линейки. По вечерам в клубе демонстрировались кинофильмы, проводились интересные встречи и беседы. В лагере в одну смену отдыхали свыше 300 мальчишек и девчонок.

Каждый день в лагере был насыщен разнообразными мероприятиями: спортивными соревнованиями, купанием, различными играми, походами, пионерскими кострами. Пионерская дружина состояла из восьми отрядов. В первом, втором, третьем и четвертом отряде были ребята среднего и старшего возраста, ученики пятых—восьмых классов, в остальных отрядах — ученики вторых—четвертых классов.

Руководил лагерем всеми уважаемый и любимый Владимир Антонович Давидович. Ребята тянулись к нему. Владимир Антонович был хорошим спортсменом, «Ворошиловским стрелком». Он увлекательно рассказывал о героях гражданской войны, об отважных челюскинцах. На воскресенье 22-го июня в лагере намечалась военная игра. Все тщательно к ней готовились. Ребята учились ползать по-пластунски, вести наблюдение с помощью бинокля. Все были заняты изготовлением оружия: деревянных винтовок, наганов, пулеметных трещеток, гранат. Помощником и советчиком в этом деле был Владимир Антонович. Все с нетерпением ждали воскресенья.

Утром по сигналу горна нас подняли раньше обычного. После завтрака все направились в лес, на исходные пози-

ции. Игра прошла организованно и «победоносно». Враг — «синие» — был окружен и уничтожен. Возвращались в лагерь радостные, возбужденные, с песнями. Неожиданно послышался сильный гул самолета. Мы посмотрели в небо: низко, почти над самым лесом, пронесся истребитель. Это был наш «ястребок». Он перелетел реку Свислочь и носом врезался в землю. Взрыв потряс воздух. Мы застыли в полном недоумении, пораженные увиденным. Что с летчиком? Этот вопрос занимал всех.

С запада снова послышался гул самолета. Он быстро приближался. Вскоре появилась эскадрилья двухмоторных самолетов незнакомой формы, с двумя киями, черными крыльями и желтыми фюзеляжами, на которых виднелись кресты. Тут же послышались выстрелы. Рядом с самолетами появились маленькие облачка шаровидной формы. Самолеты, нарушив строй, стали разворачиваться. От них отделились черные точки, раздались сильные взрывы, потрясшие небо и землю. В это время к нам подбежала жена Владимира Антоновича и закричала: «Война!» Владимир Антонович дал команду:

— Бегом в лагерь!

В лагере у радиопродуктора толпились дежурные, повара, кастелянша. Вид у всех был растерянный, кое-кто вытирал слезы. Ребята присоединились к стоявшим. Запомнились слова диктора: «На нашу страну вероломно напала фашистская Германия» — и уверенность, с которой были произнесены слова: «Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Мы отправились обедать, но аппетита не было. Весь ритм лагерной жизни был нарушен. Вместо «тихого часа» ребята собрались в своих комнатах и пели песни о войне, о трех танкистах, Орленке и другие. Долго пели ребята, а затем стали рассказывать о своих отцах. У большинства они были военными. Мальчишки много знали об оружии, самолетах, танках. Все были уверены, что фашисты будут скоро разбиты. Разговоры и песни продолжались и после ужина, далеко за полночь. К ночи утихли выстрелы и умолк гул немецких самолетов. Спали тревожно. Проснулись рано от гула самолетов и рева танков. Все выбежали из доми-

ков и направились к дороге. По ней в северном направлении двигались наши танки, груженные повозки, пушки, которые тянули лошади, рядом с ними бежали жеребята. За подводами шли колонны красноармейцев.

В то время мы не знали, что увидим наших бойцов только через четыре года, в Германии, куда забросит нас, братьев, злая судьба. Бойцы отдавали нам жеребят. Жеребята, красивые и стройные, настороженно смотрели на новых хозяев, рвались за своими матерями. Для жеребят бойцы сбрасывали с подвод тюки сена. Почти до полудня двигались колонны войск. И никакие уговоры вожатых, директора не могли заставить нас вернуться в лагерь.

Во второй половине дня на территории лагеря появилась полуторка со спаренным зенитным пулеметом. Она остановилась на дороге у опушки леса, где размещались лагерные домики. Группа мальчишек подошла к машине, завязался разговор с красноармейцами. В это время загудело небо, появились самолеты с крестами. Они летели в сторону Минска. Им навстречу поднялись два наших «ястребка». Застучали зенитки. Немецкие самолеты рассеялись. Один из них, разворачиваясь, начал снижаться. В этот момент раздалась очередь. Часть крыла вражеского самолета с мотором оторвалась, полетела вниз. Самолет, охваченный пламенем, с ревом устремился к земле. От него отделились четыре точки, над которыми тут же раскрылись парашюты. Самолет врезался в поле ржи. Раздался оглушительный взрыв, вверх взметнулся огонь. Пулеметчики перевели огонь на парашютистов. Двое бойцов и с ними мальчишки, Ужейкин, Кузнецов, Китаевич и мы с братом, побежали через лес к месту, куда должны были приземлиться парашютисты. Ветром их относило в сторону, и расстояние между нами все время увеличивалось. Немцы приземлились раньше, чем мы успели добежать до них, и открыли огонь из автоматов. Бойцы, а за ними мы, где ползком, а где короткими перебежками, продолжали продвигаться вперед. В это время во весь рост поднялся Жора Китаевич, видимо, он хотел посмотреть, где парашютисты. Раздалась короткая автоматная очередь — Жора упал навзничь. Немцы обнаружили себя. Красноар-

мейцы открыли огонь из винтовок. Над рожью мы увидели две пары поднятых рук. Бойцы осторожно, с винтовками наизготове, пошли туда, а мы бросились к лежащему другу. Пуля попала Жоре в левое плечо. Мы подняли окровавленного Жору, его левая рука безжизненно висела, на спине была рваная рана, изо рта вырывалась кровавая пена. Жора умирал. Подошли бойцы с пленными немцами. Мы подняли товарища на руки и пошли вслед за ними в лагерь. Навстречу нам выбежали девчонки и мальчишки. Они с ненавистью смотрели на пленных, требовали их расстрелять, отомстить за убитого товарища.

Мы опустили его тело на землю. Все молча прощались с Жорой. Кто-то из взрослых принес лопаты. Могилу вырыли в сосновом лесочке за клубом, у летнего изолятора. Ребята дали клятву быть достойными своего товарища. С речью выступил Владимир Антонович. Это была первая наша утрата.

На следующий день, 24 июня, утром весь лагерь вышел провожать директора. Он уходил на фронт. Ребята махали ему вслед руками, платками. Владимир Антонович все время оглядывался. Скоро он скрылся за деревьями. Мы медленно побрели назад в лагерь. На сердце у каждого было тяжело и грустно. После ухода директора все в лагере разладилось. При нем все знали, что скоро в лагерь приедут машины и заберут нас. Сейчас стало ясно, что машин не будет. Лагерь покинули пионервожатые, старшие школьники. Многих детей забрали родители. В лагере стало пусто, неудобно, непривычно тихо. В основном остались дети младшего школьного возраста, потому что не знали куда идти, где искать родителей. Все ребята перебрались в зимние корпуса. Руководство лагерем взял на себя военрук Беззубенко, по прозвищу Кукан. Он сразу же установил свои порядки. Прозвище Кукан дал ему Вова, потому что у Беззубенко на правой руке не было указательного пальца.

Немцы по-прежнему бомбили Минск. Над лагерем каждый день пролетали самолеты. Но уже ни зенитки, ни истребители не преграждали им путь. Они летели, казалось, целыми тучами и сбрасывали бомбы. Взрывы почти

не прекращались, и, несмотря на то что стояли ясные июньские дни, небо было пасмурным, окутанным дымом, а воздух наполнен гарью. Дым несколько рассеивался к вечеру. Небо над Минском полыхало сплошным заревом. Так продолжалось несколько дней. Затем взрывы начали удаляться и наконец стали чуть слышны. Наступила тишина. Неожиданно среди этой тишины раздался чей-то крик: «Немцы!» Немцы шли цепью от дороги к нашему лагерю. Все замерли и со страхом смотрели на них. В серо-зеленой форме, в касках, напоминавших перевернутые ночные горшки, больших, странной формы сапогах, обвешанные гранатами, кинжалами, с автоматами наперевес, с засученными рукавами двигались они на нас.

Все дети, как по команде, бросились к корпусу, забрались под кровати, притаились. Через несколько минут в коридоре послышался топот сапог, чужая речь. Открылась дверь в нашу комнату, вначале просунулся автомат, затем медленно вошел немецкий солдат, за ним другой. Один из них сказал: «Дас ист киндерхайм?» И еще что-то. Наклонился и посмотрел под кровати. Увидев нас, на ломаном русском языке приказал:

— Выходиль, выходиль.

Мы медленно начали выбираться из своих убежищ.

Под дулами автоматов всех детей согнали на стадион. Тут же был Беззубенко. Немецкий офицер через переводчика распорядился освободить здания для размещения немецких солдат. Кукан стал объяснять, что дети не имеют родителей и им негде жить. К нему присоединилась врач Елизавета Павловна. Тогда офицер распорядился освободить летние домики, здание клуба и изолятор. Солдаты приступили к выполнению приказа. Они выбрасывали вещи из домиков, разбивали палатки. Задымила походная кухня.

Потянулись напряженные дни, полные неизвестности. Запасы продуктов в лагере истощались. Ежедневно уменьшался рацион питания. Ребята смотрели на сытых немцев, на то, как они выливали вкусно пахнувший суп, выбрасывали хлеб, но никто не унижался, не просил у них еды. Както один из немцев подозвал меня и Володю Кузнецова и

дал нам котелок с супом, половину буханки хлеба и по-русски произнес: «Кушайте». Мы с недоверием смотрели на него. Тогда он расстегнул боковой карман кителя, достал из него фотографию и показал ее. На фотографии были изображены он, женщина и трое мальчишек. Немец на плохом русском языке объяснил, что это его семья, что он их всех очень любит и что мы напоминаем ему сыновей. Он поцеловал фотографию. Его дружелюбное отношение подкупило нас, и мы, поблагодарив, съели суп, забрали хлеб и собрались уходить. Он пригласил незаметно прийти завтра, чтобы не увидел офицер. В лагере мы рассказали своим товарищам о немце и разделили между ними хлеб.

Назавтра к нашему знакомому немцу мы пришли в большем составе. Немец встретил нас не один, с ним были еще два солдата. Они дали нам хлеба, консервов и сказали, чтобы мы быстро уходили. Уже знакомый нам немец подозвал меня с братом и Володю Кузнецова и предложил прийти еще вечером. В назначенное время мы встретились на опушке леса. Немец сказал, что завтра утром их отправляют на фронт. Тихо, почти шепотом добавил:

— Я верю, что война скоро кончится победой Красной Армии и все мы вновь встретимся со своими семьями.

На прощание он пожал нам руки и вручил большой сверток с продуктами.

Более смелые ребята, постарше возрастом, невзирая на угрозы Беззубенко, ушли в Минск. К вечеру они вернулись в лагерь, их окружили дети. Ребята принесли в бутылках патоку и множество значков ГТО и «Ворошиловский стрелок», ножики «Туфелька». Рассказали, что центр Минска почти весь разрушен, за исключением некоторых зданий. Людей на улицах очень мало, и только прохаживаются вооруженные немцы. Дети называли свои адреса и наперебой спрашивали у пришедших ребят, что произошло с их домами. Но что они могли ответить? Мы с братом, Володя Кузнецов и Володя Ужейкин решили сами отправиться в Минск.

Рано утром, еще задолго до подъема, мы тихонько встали и отправились в путь. К Минску мы подошли со

стороны Сторожевки. Миновали пивзавод и вышли к оперному театру. В этом районе на улице Широкой жил Володя Ужейкин. Каково же было наше разочарование, когда мы увидели, что от улицы почти ничего не осталось. На месте его дома лежали груды кирпича, торчали металлические балки, на развалинах валялись обломки мебели, домашняя утварь. Мы постояли немного и двинулись дальше. Перейдя через Свислочь, мы по Октябрьской улице поднялись на площадь Свободы и за зданием гостиницы «Европа» повернули налево, к дому Володи Кузнецова, который находился на углу улиц Советской и Ленинской. В дом попала бомба, но он не был полностью разрушен. Подъезд, в котором жили Кузнецовы, сильно пострадал. Перекрытия верхних этажей обвалились и завалили их квартиру. Володя долго копался в развалинах, надеясь что-либо найти из отцовских вещей. Мы помогали ему. Провозились более часа. Выбравшись из развалин, увидели на другом конце Ленинской улицы неповрежденный дом, в котором жил полковник С.А. Данилов, друг нашей семьи и семьи Кузнецовых. Не сговариваясь, пересекли Советскую улицу. Слева от нас возвышалось разрушенное здание кинотеатра «Зорька», на стене которого висела перевернутая афиша фильма «Фронтовые подруги». Разрушенной оказалась школа № 5, в которой учился Володя Кузнецов. Мы зашли в дом. Квартира Даниловых была не заперта и полупуста. В ней сохранились только отдельные крупные вещи: шкафы, столы, кровати.

Мы открыли шкаф, в нем валялись разбросанные вещи, среди которых был шлем с малиновой звездой — эмблемой пехоты Красной Армии. Не найдя больше ничего, на наш взгляд, подходящего, мы отправились в сторону нашего дома, который стоял напротив Дома Правительства. Его называли «Домом металлистов». Он был построен в 1913 году, имел метровые, а кое-где и полутораметровые стены, поэтому выдержал бомбежки и уцелел. Вокруг него все было разрушено — весь квартал между Земледельческим переулком и Ленинградской улицей. Разрушен был и университетский городок. Почти невредимым остался Дом Правительства. Мы поднялись на второй этаж в

нашу 16-ю квартиру. Сердце сильно билось, его стук отдавался в висках. Квартира была коммунальная. В ней кроме нас жили еще две семьи — Абезгаузов и Хлестовых. Нам навстречу вышла Хлестова, она не сразу в темноте коридора узнала нас с братом. А когда узнала, бросилась к нам и со слезами сообщила, что наш отец рано утром 22-го июня ушел из дома, и его никто больше не видел. Мама с маленьким братом Олегом, которому исполнилось всего лишь год и четыре месяца, во время бомбежек прятались в бомбоубежище. Один раз, 24 июня, она прибежала домой за продуктами для Олега. Больше соседка маму не видела. Но соседи рассказывали ей позже, что видели, как мама попала под бомбежку и была убита. Что с Олегом — никто не знал.

Дверь нашей квартиры была заперта, на ней висел большой черный замок. Но нижняя филленка двери была выломана, и через нее мы проникли внутрь. Все было на своих местах, как до войны. Но, видно, кто-то уже здесь похозяйничал. Соседи посоветовали нам часть вещей перенести к знакомой учительнице Забродской, которая переехала из разрушенного дома в деревянный двухэтажный дом, стоявший рядом.

Забрав свои вещи, пальто, отцовские сапоги, два военных шлема, мамины туфли, суконный отрез, папины охотничьи ружья, 12-го и 16-го калибра, сахар рафинад в больших кусках, семейный альбом с фотографиями, мы отправились в лагерь. Возле оперного театра за нами погнались немцы, мы привлекли их внимание большим мешком и неосмотрительно надетыми шлемами.

— Стой! Большевики! — кричали они.

Мы успели бросить в развалины вещи. Все-таки нас задержали, сорвали шлемы. Спросив, кто мы, отпустили, дав по затрещине. Позже мы вернулись и забрали мешок.

В лагере нас ожидала неприятность: мы попались на глаза Беззубенко. Тот сразу накинулся на нас и приказал следовать за ним.

— Куда ходили? — спросил Кукан, когда мы вошли в его комнату.

Мы подробно рассказали о нашем походе в Минск. Он отпустил Кузнецова и Ужейкина.

— Что же у вас в мешке? Выкладывайте! — скомандовал он нам.

Мы разложили все на полу. Увидев отцовские сапоги, потребовал отдать их ему. Несмотря на наши просьбы оставить их нам, наступали холода, сапоги он забрал. Остальные вещи распорядился сдать кастелянше. Кастеляншей была Фаина Ивановна Пузырева, очень внимательная, чуткая женщина. До войны она работала учительницей, знала нашу маму. Фаина Ивановна была нашим советчиком, настоящим другом. Она всячески старалась помочь нам, детям, следила за тем, чтобы, по возможности, мы были чистыми и опрятными. В ее ведении находилось наше белье, постельные принадлежности. Ей помогали старшие девочки. В первые дни войны в наш лагерь, не помнится уже откуда, пришла девушка лет 16—17, Капа Борисова, с трехлетним братишкой. Они попали под бомбежку: мальчик получил несколько осколочных ранений. Фаина Ивановна взяла их в свою комнату, ухаживала за раненым.

* * *

Была середина июля. По дороге Минск—Масюковщина ежедневно двигались колонны пленных красноармейцев. Пленных охраняли автоматчики с собаками. Изможденные, босые, голодные, красноармейцы еле передвигались. Среди них было много раненых, которых поддерживали товарищи, некоторых несли на носилках, сделанных из жердей и шинелей. Жители прилегающих деревень, в основном женщины и дети, выстраивались вдоль дороги и украдкой бросали в колонну куски хлеба, вареную картошку, подавали в банках воду. Немцы, конвоировавшие колонну, за это били женщин и военнопленных прикладами, натравливали на них собак. Но женщин ничто не оставляло. Через определенные интервалы между группами военнопленных двигались подводы, на которые складывали убитых и умерших. Каждого упавшего, не имевшего сил подняться, немцы пристреливали. При повороте

на Масюковщину дорога близко подходила к Свислочи. Находились смельчаки, которые вырывались из колонн и бежали с котелками к воде. Их настигали пули конвоиров. Случалось, из колонны выбегали несколько человек и устремлялись в густой кустарник. Немцы открывали огонь. Немногим удавалось добежать до кустов, но некоторые находили там спасение. Немцы их не преследовали, видно боялись, что разбегутся остальные.

Мы, мальчишки, очень радовались за красноармейцев, которым удавалось убежать. Однажды, после того как шоссе опустело и наступили сумерки, Володя Ужейкин и мы с Володей пошли в кустарник. Идти было страшно, казалось, за каждым кустом прячется человек, звук своих же шагов настораживал. Чем дальше пробирались мы, тем больше проваливались в болото. Вскоре мы услышали, как кто-то нас окликнул. Оглянулись — никого. Оклик повторился. Мы пошли на голос. Метрах в десяти от нас за большим кустом лежал и стонал человек. Мы наклонились над ним: на его гимнастерке были темно-синие петли со следами от двух шпал. Майор-кавалерист назвался дядей Мишей. Он был ранен в ногу, сильно ослабел. Мы рассказали ему, кто мы такие, помогли ему встать и потихонечку пошли с ним в пионерский лагерь. До лагеря добрались, когда совсем стемнело. Посоветовавшись с дядей Мишей, спрятали его в лагерьном погребе. Погреб пустовал, продукты, хранившиеся в нем, были давно съедены, и никто туда не заходил. Принесли ему немного хлеба, простыню. Разорвали ее на полосы, помогли перебинтовать раненую ногу. В эту ночь мы долго не могли уснуть, думали, чем еще помочь дяде Мише. Решили никого не посвящать в нашу тайну, установить дежурство и во всем слушаться командира. Каждый день мы приносили ему еду, оставляя поочередно незаметно свои порции. У Елизаветы Павловны выпросили стрептоцид. Дядя Миша быстро поправлялся. Через две недели он уже мог ходить. И все же мы поделились нашей тайной с поварихой тетей Ниной: нашему командиру нужна была гражданская одежда и обувь. Тетя Нина все достала. На следующий день пошли к дяде Мише. Каково же было наше

изумление, когда мы не нашли его. Он ушел, не попрощавшись с нами... Видимо, так надо было... Так мы и не узнали его настоящего имени, фамилии и что с ним стало.

По лагерю пронесся слух, что кто-то видел среди военнопленных Владимира Антоновича Давидовича. Его жена собралась в лагерь военнопленных в Масюковщину. Мы с братом и Володя Кузнецов вызвались пойти вместе с ней.

Лагерь военнопленных размещался на свободной территории, расположенной рядом с черепичным заводом. Сюда он ограничивался дорогой Минск—Заславль, с запада — дорогой, идущей в деревню Масюковщина. По названию этой деревни стал называться и лагерь. День был жаркий, безветренный, парило, как бывает перед большим дождем. Подходя к черепичному заводу, мы обратили внимание на стаи воронья, которые с криком носились над дорогой. Воронье образовывало длинные вереницы, тянувшиеся над дорогой. Вороны взлетали ввысь и камнем падали вниз, ухватив что-то, тут же взмывали в небо. От их огромного количества и непрерывного движения воздух и земля были черными, а от карканья в ушах стоял сплошной шум. Миновав главный вход черепичного завода, мы почуяли ужасный, тяжелый запах. Кюветы по обеим сторонам дороги были заполнены трупами, многие из них уже разложились. Из этих открытых длинных ям торчали оголенные черепа, кисти рук, ступни ног, вздутые гимнастерки и галифе. Здесь и кружило воронье. Ужас и страх сковали нас. Ноги стали ватными. Как в кошмарном сне, мы услышали чьи-то голоса. Слева от дороги, в нескольких метрах от нас протянулся высокий забор из колючей проволоки. Через 20—25 метров над забором поднимались деревянные вышки. На каждой из них стояли немцы с автоматами. У забора толпились военнопленные. Мы направились к ним. Они предупредительно замахали руками, чтобы мы не подходили близко. Жена Давидовича спросила, не встречали ли они Владимира Антоновича. Никто его не видел. Немец заорал, чтобы мы уходили. Нам ничего не оставалось, как повернуть назад.

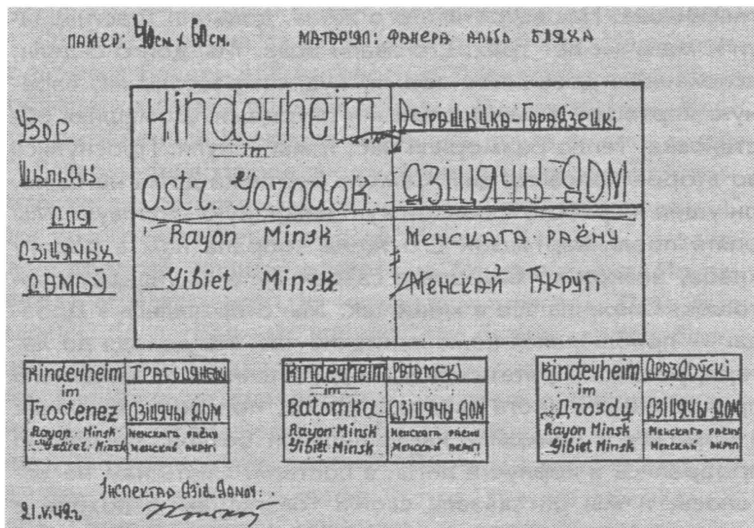
Назавтра Володя Кузнецов и мы с братом отправились в Минск. На улице Мясникова случайно встретили Алек-

сандра Бортника, друга моих родителей. Он пригласил нас к себе домой. Жил он в то время на углу улиц Берсона и Мясникова. Нас встретили его жена, дочь лет шестнадцати и мальчик лет трех. Его звали Вова. Мы долго сидели, вспоминали довоенное время, кушали рассольник, вареную картошку с малосольными огурцами. Домашняя обстановка, тепло разморили нас, и мы уснули. Проснулись во второй половине дня. Самого Бортника дома не было, он ушел на работу в солдатскую немецкую столовую. Мы опять поели картошки. Его жена собрала нам в дорогу хлеба, несколько огурцов и сваренных в «мундире» картошек. Сложила все в мешочек. Мы отправились в Дрозды — приближался комендантский час. Не доходя до лагеря, решили спрятать нашу снедь. Отсчитав от заметного придорожного куста двадцать шагов, положили мешочек в борозду и прикрыли картофельной ботвой. Бесшумно пробрались в корпус и легли в постели. Спать нам не хотелось, и мы рассказали своим товарищам о походе в город. Вдруг дверь открылась, и на пороге появился Кукан. Он потребовал, чтобы мы оделись и немедленно шли к нему. Встретил нас Кукан злой, в руках у него была плетка. Как только мы вошли, он подскочил к нам и стал бить, приговаривая, что это за нарушение распорядка. Он бил бы нас долго, да Володька Кузнецов догадался выскочить за дверь, вслед за ним бросились и мы. Боясь преследования Кукана, мы спрятались в кустах у речки. Руки, ноги и плечи обжигала боль. Когда Кукан пошел домой, мы вернулись в палату. Ребята не спали, ждали нас. Это была первая, но не последняя лупцовка детей.

Утром, после завтрака мы пошли к своему тайнику, чтобы подкрепиться. Дойдя до знакомого куста, свернули на картофельное поле. Разгребли ботву, достали наш мешочек. Он показался нам подозрительно тяжелым. Развязав его, мы пришли в отчаяние: вместо хлеба, огурцов, картошки в нем лежали кирпич и несколько камней. Кто-то выследил нас, забрал нашу провизию и зло пошутил над нами.

Следующая неделя прошла без особых происшествий. Наш пионерский лагерь немцы переименовали в детский дом.

**Образцы надписей на зданиях детских домов
Минского района по состоянию на 27 мая 1942 г.**

Национальный архив Республики Беларусь.
Ф. 293. Оп. 1. Д. 291. Л. 62.

Беззубенко привез из Минска немного хлеба и целую подводу ребер и костей. Крестьяне привезли молодую картошку и выгрузили прямо на землю у входа на кухню. Тетя Нина сказала нам, что сварит столько картошки, сколько мы ее начистим. Каждый из нас старался как мог. Ножей на всех не хватило. Ребята кроме ножей вооружились стеклышками и скребли картошку изо всех сил. Наш труд был вознагражден. Тетя Нина сдержала слово. Картошки можно было поесть до отвала. У многих детей позже разболелись животы.

Вскоре на наш дружный коллектив навалилась большая беда. В детский дом приехали немцы с представителями городской управы. Всех детей выстроили на стадионе. Офицер стал что-то говорить, мы стояли, ничего не понимая. Затем представитель управы на белорусском языке сказал, что немцы создали специальный детский приют для еврейских детей и приехали забрать их. Он приказал еврейским детям выйти вперед. Многие девочки и маль-

чки, среди них Каблуков, Глезер и другие, вышли из строя. Наш строй поредел почти наполовину. Многие из нас плакали, прощаясь с друзьями. Тогда мы не знали, что никогда больше не увидимся.

Я сказал рядом стоящему брату, что поеду с ними, и вышел из строя. Я решил съездить в гетто, узнать, как там обстоят дела, и, если там действительно так хорошо, как нам говорили немцы, пойти туда всем. На подводы сели девочки и мальчики и тронулись в путь. По дороге пели песни «Катюша», «Дан приказ ему на запад...». Я пел еврейские песни, так как знал их много. У нас дома были пластинки с песнями на еврейском языке. Как помню, я пел песню: «В местечке славилась раввина дочка Ента, такая белая, как фарфоровая посуда; такая умная, как целый том Талмуда». Мы с братом знали рассказы Шолома Алейхема «Ножичек», «Мальчик Мотол едет в Америку», «Блуждающая звезда» и другие. Нам их читала бабушка.

Доехали до Минска. На улицу Немигу въехали со стороны Комсомольской. В гетто нас накормили, мы легли спать. А утром нам раздали желтые шестиконечные звезды. Старшие девочки пришили их на нашу верхнюю одежду на грудь. Я тайно уходил из гетто и приходил в Дрозды.

* * *

Наша четверка снова отправилась в Минск. Возле дома Бортника нас встретила его соседка и предупредила, чтобы мы не ходили туда, потому что его с женой забрали немцы и, может, за домом следят. Позже мы узнали, что их обоих расстреляли. Причиной тому было отравление целого подразделения немцев.

Однажды к нам из Минска прибыло пополнение — мальчики из пятого детского дома. Они отличались от нас тем, что находились в детском доме еще до войны, были хитрее, сообразительнее и очень задиристые. Дружбы между нами не было. Мы быстро приучили их к своим порядкам, правда, переняв в свою очередь от них много детдомовских привычек и повадок. В быту появились грубость, ругательства, мы научились брать, что плохо лежит, за-

щищаться в драке. Особенно среди них выделялся Чулец, который был большим горлохватом и эгоистом. Он врывался в столовую раньше всех, по пути к своему месту хватал малюсенькие кусочки хлеба, разложенные у мисок, запускал руку в чужие миски, вылавливал брюкву и картошку. Особенно он обижал малышей. Пришлось устроить ему «темную», после чего он прекратил свои выходки.

**Список воспитанников детских домов,
родившихся в г. Минске. 1942 г.
(сохранен язык оригинала)**

№ п/ч.	Прозьвішча і імя	Узрост	Якога дзідома
1.	Станікаў Толік	9	Астрашыцкі-Гарадок
2.	Шэнкер Дзіма	10	-«-
3.	Сініцкі Уладзімір	11	-«-
4.	Шашкоў Жэня	11	-«-
5.	Александровіч Лена	12	-«-
6.	Александровіч Валя	15	-«-
7.	Сатюк Зіна	16	-«-
8.	Казлоў Яўгені	7	Трасьцянец
9.	Гарэльчык Анатоль	7	-«-
10.	Чайкоўскі Станіслаў	7	-«-
11.	Караленка Леанід	7	-«-
12.	Кавальчук Нэля	6	-«-
13.	Пекарскі Віталій	5	-«-
14.	Войцехоўская Люба	5	-«-
15.	Арцёмава Сьветлана	5	-«-
16.	Сакалоўскі Кім	12	Дразды
17.	Юдоўскі Сёма	11	-«-
18.	Богуш Геня	11	-«-
19.	Стальмашук Вова	11	-«-
20.	Сакалоўскі Вова	13	-«-
21.	Кузьняцоў Марат	10	-«-
22.	Сушкевіч Маня	10	-«-
23.	Усьціновіч Леля	9	-«-

Камісарычны Бургмістр
Менскага раёну
Інспектар дзіцяч. дамоў

Национальный архив Республики Беларусь.
Ф. 293. Ок. 1. Д. 291. Л. 103.

Как-то я пошел в город и вернулся с нашими детдомовцами Леней и Борей, которых встретил в гетто. Их трудно было узнать, они почернели от голода. В детском доме им оставаться было опасно, и тетя Нина устроила их пастушками в какой-то деревне.

Осенью в детском доме открыли школу. Она размещалась в деревянном доме, расположенном в лесу, за дорогой. Несмотря на то что до войны дети закончили кто два, кто три класса, обучение проводили всех вместе. Учил нас строгий мужчина, лет тридцати пяти, требовавший, чтобы его называли «грамадзянін настаўнік». Настоящего имени и фамилии его мы не знали. Уроки он вел на белорусском языке. Учил нас писать, считать, петь белорусские народные песни, рассказывал историю Беларуси. Относился к детям очень строго, при малейшем нарушении дисциплины можно было заработать либо подзатыльник, либо линейкой по рукам. Ребята боялись его и не любили. Однажды, во время очередной экзекуции над девочкой, мы заступились за нее. Он, рассвирепев, набросился на Вову, дал ему оплеуху и выгнал из класса. Но его издевательства над учениками вскоре прекратились. И вот почему. Мы нашли в лесу ящик с порохом, принесли его в класс, попробовали поджечь. Загоревшись, трубка пороха летала вдоль стен до полного сгорания. Мы увлеклись «интересным» занятием, стали поджигать и запускать трубки. Одна из горящих трубок попала в ящик с порохом, произошел взрыв. Загорелись стены. Мы бросились тушить огонь, но он перебросился на потолок. Стало ясно, что нам самим с огнем не справиться. Мы быстро покинули школу и стали звать старших. На наш крик прибежал бывший лагерный завхоз Степан, который жил рядом со школой. Но было поздно: пламя уже пробилось через потолок, загорелась крыша, вскоре все здание было объято пламенем. Школа сгорела, прекратились и занятия, «грамадзянін настаўнік» куда-то исчез.

Пришла суровая морозная зима, принесла с собой холод и голод. Ребята ходили полураздетые, зимней обуви ни у кого не было. Многие обморозили руки и ноги. У детей опухали железы, тела покрывались кровотокащи-

мися язвами. Дети собирались в нескольких комнатах, жгли в печах стулья, столы, тумбочки. Выходили из помещения только в столовую. Кушать давали все меньше и меньше. Решили идти в деревни, просить подавание. В первый такой поход отправилось несколько человек, которые имели одежду и обувь. Среди этих счастливиц оказались и мы с братом: летом мы принесли из Минска свои пальто. Ноги мы тщательно обернули бумагой и портянками, которые сделали из простыней. О бумаге мы вспомнили потому, что так делал отец, уходя на охоту в сильные морозы. Сумок не было. Но подавание можно было принести в полах пальто.

Мы отправились в путь. Первой нам попалась деревня, расположенная у шоссе Минск—Масюковщина, жители которой летом помогали военнопленным. Мы с братом зашли в хату, двое других ребят — в соседнюю. Помнится, вошли мы в сенцы, затем в чистую половину, стоим и молчим. Мы ведь никогда не просили, не знали, что говорить. На скрип двери вышла пожилая женщина и спросила:

— Что вам нужно?

На нас приятно пахло теплом от русской печи и запахом съестного. Мы рассказали ей, что мы из Дроздов, что в детдоме голод, он-то и привел нас в деревню. Женщина пригласила нас к столу, достала ухватом из печи чугунок, налила в глиняную миску щей и положила несколько картофелин в «мундирах». Мы хлебали щи и думали о своих товарищах, оставшихся в холодных комнатах. Картошку мы положили в полу пальто. Женщина сказала, что сама бедно живет и дать ей нам, кроме картошки, нечего. Она достала еще несколько картофелин, протянула их нам. Женщина научила нас, войдя в хату, говорить: «Подайте, Христа ради, бедным сироткам». Подсказала, в какие хаты заходить. Мы поблагодарили ее и пошли к следующей хате, чувствуя себя уже уверенней. Еще одна хозяйка накормила нас и с собой дала по куску толстого преснака. Такие блины из муки и тертой картошки пекли вместо хлеба. Мы уже наелись, могли возвращаться, но нас ждали голодные товарищи. Мы постучали в тре-

тью хату. На стук вышел мужчина, инвалид без ноги, на деревянном костыле. Мы повторили отрепетированные слова. Он позвал нас в дом, обратил внимание, что на ногах у нас только портянки, пошел в сенцы и принес оттуда две пары старых, но целых калош.

— Одевайте, хлопцы, а то обморозите ноги, — сказал он. — А вот покормить вас нечем, могу только дать вам с собой картошки и моркови.

Он достал из-за печки полведра картошки и несколько морковин. Мы сложили все в полы пальто, поблагодарили и собрались уходить. Мужчина пригласил зайти к нему в следующий раз. Мы зашли еще в две хаты: нам предлагали покушать, но мы объяснили, что наелись уже у соседей, и просили что-нибудь с собой. Нам дали по полпреснака. Выйдя на улицу, мы увидели своих товарищей, полы их пальто были такими же полными, как и наши. Мы повернули назад в детдом. Идти было нелегко, наполненные полы били по ногам, но мы были довольны: первый поход увенчался успехом, мы несли ребятам даже кусочек сала. Представляли, как они нас ждут и как будут рады.

Сколько было подобных походов!.. Из одного такого похода Марат Кузнецов едва добрался до детдома: обморозил ноги. Пальцы на его ногах опухли и сочились гноем. Елизавета Павловна положила его в изолятор, забинтовала ноги. Лекарств почти не было. Каждый день она делала ему марганцовые ванночки. Опухоль стала постепенно спадать, но пальцы начали гнить.

Весной в изолятор попал и брат Володя. Свислочь в то время сильно разлилась, затопила все подходы к ней. Но голод — не тетка, и мы отправились в очередной поход.

Володя промочил ноги и с мокрыми ногами ходил по хатам. Для него это было опасно: до войны он болел ревматизмом. Морозов уже не было, думали, обойдется, но не обошлось. Ночью у него поднялся жар, сильно разболелись ноги, настолько сильно, что от боли он стал кричать. Мы позвали Елизавету Павловну. Брата перевели в изолятор. Облегчение не наступило. Фаина Ивановна посоветовала мне сходить в деревню и обменять отрез сукна на самогон. Как кстати пришелся отрез, который мы

принесли из Минска. Вове стали прикладывать согревающие компрессы, боль потихоньку утихла, дело пошло на поправку.

Все чаще и чаще выглядывало солнце, оно уже не только светило, но и грело. Больным разрешили выходить на двор. Но они сильно ослабли и не могли ходить без помощи. Каждое погожее утро ребята выбирались на солнечную сторону, где просиживали целыми днями. Елизавета Павловна сняла у Марата и Володи бинты. От ног Марата шел неприятный запах, пальцы почернели. Бинты до конца не снимались, присохли к пальцам. На ночь Марату ноги не забинтовывали. Однажды утром Марат раскрыл одеяло и закричал. Мы бросились к нему. Бинты на ногах были разорваны, черных пальцев не было, на простыне остались следы крови и крысиного помета. Ночью крысы на запах забралась под одеяло и сгрызла его пальцы. На крик прибежала Елизавета Павловна, жившая за стеной. Она старалась успокоить Марата, говорила, что крысы ему даже помогли, уничтожив сгнившие пальцы. В дальнейшем марганцовые ванночки и солнышко постепенно сделали свое дело: раны у Марата зажили, но он потерял несколько пальцев на ногах.

**Список детей детского дома «Дрозды»
по состоянию на 18 марта 1942 г.
(фрагмент, сохранен язык оригинала)**

№№ п/п	Прозвішча, імя і імя па бацьку	Год нара- джэння	Нацыя- наль- насьць	Адкуль прыбыў
1.	Сакалоўскі Кім Эдуардавіч	1930	бел.	з г. Менску
2.	Шаблоўскі Іван Пятровіч	1930	-«-	з 12 ясьляў
3.	Шаблоўскі Пётр Пятровіч	1929	-«-	-«-
4.	Струлёў Алік	1930	-«-	з 5 д/дома
5.	Ляўковіч Сяня Іёсіфаў	1930	-«-	-«-
6.	Ліфанаў Сяня Міхайлавіч	1930	-«-	з г. Менску
7.	Андручонак Мікалай	1930	-«-	-«-
8.	Радчанка А-р	1930	-«-	-«-
9.	Наталевіч Валік	1930	-«-	-«-
10.	Сержанкоў Юзік Міхасёў	1930	-«-	-«-

№№ п/п	Прозьвішча, імя і імя па бацьку	Год нара- джэння	Нацыя- наль- насць	Адкаль прыбыў
11.	Юдоўскі Сёма Юдавіч	1931	рус.	-«-
12.	Дакука Алесь	1931	бел.	з Сёмкава Гарадка
13.	Дарафеяў Спартак Фёдараў	1930	рус.	з г. Менску
14.	Пілецкі Жорж	1931	-«-	з 5 д/дому
15.	Сівіцкі Вацк Вінцэсяў	1931	-«-	-«-
16.	Кузьмічоў Міша Цярэнцяў	1931	бел.	з Сёмкава Гарадка
17.	Лукашэвіч Міша	1931	-«-	з 5 д/дома
18.	Міхайлоўскі Пеця	1931	-«-	-«-
19.	Богуш Геня Міхасёў	1931	-«-	з г. Менску
20.	Брыкаў Фёдар Пятровіч	1931	-«-	-«-
21.	Шакін Барыс Міхасёў	1931	рус.	з 12 ясьляў
22.	Стальмашук Вова	1931	-«-	з г. Менску
23.	Пекарскі Віця	1929	бел.	з Сёмкава Гарадка
24.	Гилевіч Рыгор Антосяў	1931	-«-	-«-
25.	Ігнаценя Міхась Александраў	1931	-«-	-«-
26.	Гудына Віця	1931	-«-	з 41 ясьляў
27.	Сакалоўскі Вова Эдуардавіч	1929	-«-	з г. Менску
28.	Кузнецоў Марат Цімафеяў	1932	рус.	-«-
29.	Сорін Фелікс Натанаў	1932	рускі	з г. Менску
30.	Мацюшонак Уладзімір Міхасёў	1930	бел.	з 5 д/дома
31.	Ражкоў Нікалаі	1930	рускі	-«-
32.	Гарадзецкі Браніслаў Браніславаў	1930	бел.	-«-
33.	Пратасеня Шура Паўлаўна	1932	-«-	-«-
34.	Курэйчык Ніна Уладзіміраўна	1933	-«-	-«-
35.	Сушкевіч Маня Уладзіміраўна	1932	-«-	з г. Менску
36.	Астрэйка Зоня	1932	-«-	з 5 д/дому
37.	Каролька Валя	1932	-«-	-«-
38.	Віршыць Ліля Антонаўна	1932	-«-	-«-
39.	Яжэвіч Рэня Іванаўна	1934	-«-	-«-

Окончание табл.

№№ п/п	Прозьвішча, імя і імя па бацьку	Год нара- джэньня	Нацыя- наль- насьць	Адкуль прыбыў
40.	Саўрыцкая Аня	1932	-«-	-«-
41.	Тарасевіч Жэня Рыгораўна	1930	-«-	з 41 ясьляў
42.	Далецкая Ева Андрэяўна	1933	-«-	з д/дома
43.	Клясторная Вясуля	1932	-«-	-«-
44.	Проц Іра Міхайлаўна	1933	-«-	-«-
45.	Галавач Маня Пятроўна	1933	-«-	-«-
46.	Усьціновіч Леня Цітаўна	1933	-«-	-«-
47.	Васюковіч Ніна	1933	-«-	з 41ясьляў
48.	Шаўцова Раіса Іванаўна	1929	-«-	з д/дома
49.	Скіба Вадзік	1933	-«-	-«-
50.	Беганскі Саша	1934	-«-	-«-
51.	Бадьян Вова Зікфідавіч	1933	аўст- рыец	з 41 ясьляў
52.	Ясінскі Жэня	1933	бел.	з д/дома
53.	Ігнацэня Нікалай Александравіч	1933	-«-	-«-
54.	Міхайлаў Віця Васільевіч	1930	-«-	з 5 д/дома
55.	Белка Клава Васільеўна	1930	-«-	-«-
56.	Камецко Зоя Пятроўна	1930	-«-	-«-
57.	Камецко Зіна Пятроўна	1931	-«-	-«-
58.	Казлоўская Аня Іванаўна	1929	-«-	-«-
59.	Сарока Шура	1930	-«-	з 12 ясьляў
60.	Барачкова Нюша Абрамаўна	1929	-«-	з 5 д/дома
61.	Мыцько Анюта Раманаўна	1931	-«-	з Самахва- лавіч
62.	Левікіна Оля Дзімітраўна	1930	-«-	з 12 ясьляў
63.	Ціхановіч Нюра Фёдараўна	1931	-«-	з Сёмк. Гарадка
64.	Туроўская Вера	1931	-«-	з 5 д/дома

Дырэктар д/дома /Беззубенка/ Бухгальтар /Селях/

Национальный архив Республики Беларусь.
Ф. 393. Оп. 1. Л. 88.

По детдому пронесся слух, что нас переведут в другое место. Вскоре прибыло несколько подвод. Мы сложили свои постельные принадлежности, попрощались с тетей Ниной, Фаиной Ивановной, Елизаветой Павловной и пешком отправились в путь. С нами пошел и Беззубенко. Мы с братом, Жора Кудин, Марат Кузнецов, Володя Кузнецов, Володя Ужейкин, Володя Пилецкий, «десятка» Сорина держались вместе. К вечеру добрались до нового места, в детский дом в Острошицком Городке. Нас встречать выбежали местные дети, но нам было не до знакомства: от длительного перехода — прошли более 20 километров — все сильно устали и, не ужинав, легли спать в отведенных нам комнатах.

На следующий день разговорились со здешними ребятами. Оказалось, что детский дом здесь организован на базе бывшего детского туберкулезного санатория. Дети, которые находились там, как и мы, не были эвакуированы. Детский дом располагался в красивом месте, в глубине высокого полуострова, посреди живописнейшего озера. Спальные корпуса размещались совсем рядом с сосновым лесом. Территория детского дома начиналась у Острошицкого Городка и простиралась на юго-запад, вплоть до озера. За озером, на противоположном берегу, были хозяйственные постройки: сараи, конюшня, помещения для коров и свиней. Вокруг этих построек, от озера до леса, размещалось подсобное хозяйство детского дома. Внизу, у входа на территорию детского дома, стояло деревянное здание, в котором находились кабинеты директора, медсестры и кастелянши. Напротив размещался гараж, приспособленный под склады, справа, метрах в ста пятидесяти, на берегу озера — баня. От административно-хозяйственного центра дорога круто шла вверх. По левой ее стороне размещались погреб с ледником, небольшое здание школы, клуб, напротив которого, в лесочке, стоял амбар. За ними — столовая и два спальных корпуса, отдельно для мальчиков и девочек, и дом, в котором жил директор. Здесь дорога переходила в узкую тропинку, которая вдоль опушки леса вела прямо к лодочному при-

чалу на берегу озера. У причала стояла большая лодка, человек на десять—двенадцать, и несколько маленьких лодок. На этой «флотилии» ребята переправлялись для работы на подсобное хозяйство. За школой, клубом и водокачкой, на полоске земли шириной в сто метров были разбиты детдомовские огороды. На самом высоком месте между спальными корпусами возвышалась водонапорная башня.

В детском доме до нашего приезда было около полусотни ребят, девушки и парни по четырнадцать—пятнадцать лет. Они занимали «командные» посты, работали на кухне, в столовой, в прачечной, на конюшне и на водокачке, руководили работой младших детей в поле, на огороде, в лесу на заготовке дров, в подсобном хозяйстве. Все их слушали.

Одним из первых мы познакомились с Азатом — Толей Мирасовым. Он попросил нас помочь похоронить расстрелянного немцами бывшего директора туберкулезного санатория Пикуса, еврея по национальности. Раздобыв лопаты, мы тайком отправились к шоссейной дороге Минск—Логойск. Нашли тело убитого, выкопали в песочке могилу и похоронили, как говорил Азат, очень доброго человека.

Среди детей были больные открытой формой туберкулеза. В начале лета умер после долгой болезни Володя Козлов. Тяжело болели Матюшонок, Савицкий и Пилецкий. Медицинской помощи, по существу, никакой не оказывалось. Работа с утра до позднего вечера, скудное питание истощали ребят. Не жалея сил и здоровья, они работали в огороде: девочки пололи, мальчишки окучивали картошку, морковь, свеклу, брюкву, капусту. Часть мальчиков вызвалась работать на заготовке дров. Приходилось очень трудно, не было опыта, валили ели и сосны, которые едва смогли обхватить втроем. Стволы деревьев очищали от сучьев, резали на чурки, скатывали их к берегу, погружали на лодки, а то и вплавь переправляли на другой берег. Здесь, у водокачки, бревна разрезали на более мелкие чурки, кололи и складывали, создавая запас на зиму для кухни и отопления спальных корпусов. В свободное время мы бродили по лесу, несмотря на запреты, ходили в Острошицкий Городок.

Директором детдома был Иван Филиппович Конойко. Ему было около тридцати лет. Ходил он ссутулившись, взгляд у него был всегда недобрый. Младшие дети избегали с ним встреч. У него имелись выездная бричка и лошадь. На этой бричке он каждую неделю ездил в Минск. Извозчиком при нем был парень с холуйским выражением лица — Иван Заматаев. Вспоминается случай, связанный с Конойко. Обычно перед едой все толпились в вестибюле столовой, ожидая, когда откроется долгожданная дверь. Конойко был уже на кухне. Через стеклянную дверь в столовую мы видели, как, облизываясь, он направляется в нашу сторону. Открыл дверь. Феликс Лельчук вдруг не выдержал:

— Раздайся, море, г... плывет.

Койко со всего размаха ударил Феликса, тот упал на пол. Ребята встали стеной перед ним, защищая своего товарища. Конойко повернулся и вышел. Но после обеда он вызвал к себе Феликса, стал бить его и угрожать, что выдаст его немцам. Конойко запер Феликса в леднике, где тот просидел почти сутки. Когда по нашему настоянию Феликса выпустили, он был весь синий, сильно дрожал, не мог произнести ни слова. Спасибо Фене Григорьевне, нашей кастелянше, которая взяла его к себе и выхаживала целую неделю.

Завхозом был уже немолодой, но здоровенный дядька по фамилии Батяновский. Имени мы его не знали. Его помощником был Иван Забиранов. Не скажем, что мы были очень хорошими, случалось, в огороды за морковкой и за брюквой лазили. Однажды вечером, перед сном, когда было уже совсем темно, мы забрались в огород за зданием клуба. Не успели выдернуть по паре морковок, как увидели, что с обеих сторон клуба к нам бегут Батяновский и Забиранов. Мы вскочили и кинулись врассыпную — никому не хотелось попадаться, потому что знали, порки тогда не избежать. Мы с Ленькой, фамилия его уже забылась, выбежали на Батяновского. Тот схватил Леньку и бросил его на землю, стал бить и спрашивать, кто с ним был, но Ленька никого не выдал. Вредными и злыми были баянист Завадский с повернутыми вовнутрь

ступнями ног и воспитательница Софья Семеновна. Безразлично к ребятам и ко всему происходящему в детском доме относилась медсестра Нина Осиповна. Единственным другом ребят была кастелянша Феня Григорьевна: она смотрела за нами, латала брюки, перешивала из старья одежду, рассказывала много поучительного. Мы часами просиживали у нее.

Осенью 1942 года в детдоме открылась школа. Запомнился только один учитель. Был он невысокого роста, сильно худой, с лысой головой и длинным носом. Слушали его плохо, и он все время призывал нас к порядку, повторяя одну и ту же фразу: «Чи вы люди, чи вы быдло?» Через полторы-две недели произошел трагический случай. В классе на уроке был убит мальчик. Немцы глушили на озере рыбу, бросали гранаты, стреляли из карабинов. Пуля срикошетила в сторону школы, пробила окно и попала в голову мальчику. Занятия в школе прекратились. «Чи вы люди, чи вы быдло?» после этого случая к нам больше не пришел.

Вскоре наша четверка распалась. Володька Кузнецов удрал из детдома, а мы отправились в Минск. Теперь до него было сравнительно далеко. Нужно было за один день проделать около пятидесяти километров. Мы ушли после завтрака. Пошли напрямую, чтобы сократить путь. На шоссе Минск—Логойск вышли в район Поповщины, а там по обочине дороги, где бегом, а где шагом, двинулись дальше. По Логойскому тракту мы вышли к Комаровке, а затем на Советскую улицу. Вдруг услышали барабанный бой. Впереди, на расстоянии трехсот метров, двигалась толпа людей. Мы побежали за ней. Обогнав толпу, а затем строй немецких солдат с автоматами, мы увидели двух мужчин и девушку со связанными сзади руками. У девушки на груди висел плакат из фанеры, на котором на немецком языке было написано: «Мы партизаны, стрелявшие по немецким солдатам». Девушка и мужчины шли с высоко поднятыми головами и устремленными вперед взорами. Их довели почти до перекрестка с Долгобродской. Здесь у телеграфного столба стояла машина с опущенным задним бортом. К столбу была прибита перекладина.

С нее свисали три веревки с петлями. Толпа замерла. Девушка и мужчины поднялись на машину. Немец набросил на их шеи петли и прыгнул на землю. Девушка закричала: «Товарищи, бейте фашис...» В это время машина по команде офицера тронулась, и ее речь оборвалась. Но мы поняли, что хотела сказать девушка. Немцы стали разгонять толпу,

Мы двинулись дальше. Побродив по городу, зашли к Забродской. Она рассказала, что в нашем доме размещалась военная полиция, что за последние дни в городе расстреляно и повешено много советских людей. Оставить нас ночевать она побоялась. Мы вернулись в детдом поздно вечером. Рассказали ребятам об увиденном, заснув далеко за полночь. А утром, после завтрака, вызвал нас на водокачку Конойко. Он пропустил нас вовнутрь, закрыл дверь и со злостью спросил:

— Кто вам разрешил ходить в город и распространять всякие небылицы?

И, не дав нам ответить, стал бить плеткой, сделанной из кабеля. Мы молчали, хотя от каждого удара хотелось выть. Устав махать плеткой, он остановился, чтобы передохнуть. Наш неожиданный удар головой сбил его с ног, мы выскочили за дверь. У меня до сих пор на спине остались следы от тех побоев.

Спустя несколько дней Конойко распорядился произвести генеральную уборку в корпусах и на территории детдома. Ожидался приезд высокого начальства из Минска. Все было приведено в надлежащий порядок. Больные, полураздетые и полуразутые дети были заперты, им запретили показываться на глаза начальству. Всем остальным Конойко приказал молчать. Начальство приехало неожиданно. Всех детей выстроили напротив клуба. К нам подошла целая свита, в центре которой находился пожилой генерал, по всей видимости самый главный. Рядом с ним шел человек в штатской одежде, лет сорока, выше среднего роста, с непокрытой головой и черными усиками. Генерал и человек с усиками поздоровались. Мы по команде Конойко ответили. Генерал подошел к кому-то из ребят, похлопал по подбородку и что-то спросил. Человек

в штатском перевел: «Хорошо ли вам живется?» Ребята ответили уже заученное слово «спасибо», которое можно было понять по-разному. «Черные усики» перевели генералу. Тогда генерал подозвал к себе офицера и что-то ему сказал. Тот быстро побежал к машине и вернулся с коробкой. Генерал раскрыл коробку и стал угощать ребят конфетами. В это время многие офицеры из его свиты защелками фотоаппаратами. Малыши, отвыкшие от конфет, не решались их есть. На вопрос генерала, почему дети не едят конфет, ему ответили, что для нас конфеты — диковинка, и поэтому нам их кушать жалко. Генерал рассмеялся. Нас отпустили, вся свита двинулась осматривать детдом, а затем направилась в лес, к озеру. Позже мы узнали, что в детдом приезжал генеральный комиссар Белоруссии Вильгельм фон Кубе выбирать место для строительства своей дачи.

Поздней осенью в наш детдом привезли совсем маленьких детей из Минского дошкольного детдома. Худенькие, слабенькие, в коротких штанишках, в красных бескозырках они выглядели, как хилые мухоморы. Их так и прозвали — «мухоморы». Разместили детей на летней веранде. Там было очень холодно. Посиневшие, дрожащие от холода и голодные «мухоморы» сидели на кроватях с поджатыми ногами и смотрели в окна, ожидая, когда их позовут кушать. В столовой они не все съедали: гущу из супа, в основном брюкву и картошку, прятали за пазуху. Позже малыши доставали кусочки овощей, облизывали их и опять прятали. Так они тянули от завтрака до обеда, от обеда до ужина. На них было жалко смотреть.

Незаметно наступила зима. В отличие от зимы 1941 года она была сравнительно теплой, часто бывали оттепели. Голод снова погнал нас в деревни. Люди жалели нас и никогда не отпускали с пустыми руками. Принесенное делили между всеми.

В конце декабря немецкие солдаты из местного гарнизона в нашем клубе устроили для себя новогоднюю елку. К клубу подъехали сани, нагруженные мешками. Нас эти мешки заинтересовали. Сани охранял часовой. Вчетвером,

Петровский Ледик, Кудин Жора и мы с Володей, подошли к саням, ощупали мешки. Часовой заметил нас и стал прогонять. Тогда Володя с Жорой подошли и попросили закурить. Немец поставил к стене карабин и полез в карман за сигаретами и зажигалкой. В это время Ледик и я быстро развязали мешок и выхватили оттуда несколько пакетов. Закурив, Володя и Жора поблагодарили немца и ушли. Через несколько минут мы встретились в комнате. Развернули свертки — это были новогодние подарки: вареники, шарфы, портсигары, конфеты, печенье, яблоки и другие продукты. Боясь, что нас могут выдать, мы поделились только с самыми надежными ребятами. Так и встретили Новый год.

Вскоре часть детей перевели в детдом, расположенный в деревне Семков Городок. В эту группу попали и мы с братом. Детдом находился в старом поместье. В центре — двухэтажное здание, слева и справа от него располагались одноэтажные флигели, в которых размещались столовая, кладовая, мастерские, жилище для обслуживающего персонала. Перед зданиями — открытое озелененное пространство. Все поместье окружал старый липовый парк. За главным зданием с прямыми аллеями — дикие заросли. Одна из аллей центральной части вела в хозяйственный двор, баню, расположенную у небольшой речушки, конюшню, коровник и другие подсобные помещения. Дети жили в главном здании. Начальником детдома был некто Генералов, немецкий холуй, ненавидевший советскую власть, вооруженный автоматом и пистолетом. Дети в детдоме жили за счет подсобного хозяйства и налога с окружающих деревень. В детдом часто наведывались партизаны. Больше всех запомнились два партизана, они всегда были на лошадях. Звали их Володя и Леня. Володя был в короткой кожаной куртке и военной фуражке, а Леня — в штатском.

В детдоме мы нашли новых друзей: Левковича, Корнеева, Харука, Вальвашеню, Шабловского. Среди ребят детдома были и прислужники Генералова, которые шпионили и обо всем ему доносили. Среди них были Кузмич Иван и его младший брат Петька, Алик Струлев.

Генералов, а иногда и воспитательницы били детей, сажали в темные холодные помещения, оставляли без еды. Вообще в детдоме царил холод и голод. Продукты развораживались. Мы пожаловались партизанам. Те появились днем, застали Генералова врасплох. Тот со страху отдал партизанам свое оружие, а через несколько дней вообще удрал в Минск.

Вместо Генералова в детдом приехал новый директор — Коньков. Он запретил бить детей, выгнал старого кладовщика и повариху. Мы его не боялись, уважали. Однажды Коньков вызвал к себе нас с братом и Митю Вальвашеню и предложил пойти в Минск, разведать немецкие посты в городе и на дороге Минск—Заславль. Февраль выдался снежным. Мы еле передвигали ноги в сугробах. За полдня мы все же добрались до Минска. Нас задержал патруль из немцев и полицейских. Они обыскали нас, спросили, откуда мы и куда идем. Мы ответили, что идем из детского дома «Семков Городок» к родным в Минск. Нас пропустили. Назад возвращались другой дорогой, мимо Дроздов. Здесь вообще не было поста. Обо всем мы подробно рассказали директору. После этого нас еще несколько раз посылали с заданиями в Минск и Заславль.

Наступила весна. Мы стали ловить рыбу в реке Чернушка. В прибрежных кустах олешника нашли несколько гранат и винтовок, правда, все винтовки были без прикладов. Тайком перенесли их в детдом, спрятали в надежном месте. Затем передали их партизанам.

Вскоре часть мальчиков, в том числе и нас с братом, отправили в Минск, как объяснили, для выполнения сельскохозяйственных работ возле города Лида. Привезли нас в бывший 5-й детдом на Торговой улице. Там уже было много детей. Всех построили. Служащий из управы выводил из строя самых маленьких. Мы с братом стояли рядом. Служащий вывел меня и Юзика Шабловского, а Петька и брат остались в строю. Вышедшим из строя приказали вернуться в детдом, а остальных через час должны были доставить на вокзал, якобы для отправки в Лиду. Впервые нас с братом разъединяли. Мы не представляли себе жизни друг без друга. Помнили наказ отца: «Чтобы ни случилось, быть

всегда вместе, держаться друг за друга». Вова подговорил Петьку и Жору Кудина бежать назад в детдом.

Они нашли в заборе дыру и незаметно выбрались в соседний двор. К вечеру уже были в детдоме. Пришли к директору, в то время им был некто Андрей Андреевич, с просьбой взять их обратно в детдом. Вначале он их не хотел слушать, говорил, что немцы его за это арестуют. Тогда брат сказал, что пожалуется на него партизанам. Директор нехотя согласился оставить их, предупредив, чтобы при появлении немцев дети прятались. Как затем выяснилось, никто из детей, которых собирались отправлять на сельхозработы, назад в детдом не вернулся.

Как-то утром в детдом приехали партизаны, среди них наши друзья Володя и Леня. Своих коней они оставили в конюшне, поднялись наверх и залегли в засаде в парке, за главным зданием. Мы с братом и Жора Кудин устроились рядом с ними. Партизаны узнали, что в детдом должны приехать немцы, но с какой целью — никто не знал. Предусмотрительно увели детей в лес. Мы лежали в кустарнике и тихо разговаривали. Вдруг Володя вскрикнул:

— Идут.

Через несколько минут со стороны Заславльского шоссе показалась полуторка. На ее кабине был установлен пулемет. В кузове четыре немца. Партизаны пропустили машину в детдом, нам поручили наблюдать за немцами, а затем вывести коней в лес.

Оказалось, немцы приехали за одной нашей воспитательницей, которая была замужем за немцем, давно жившим в нашей стране. Его призвали в немецкую армию, и он забирал семью. Они быстро сложили вещи и уехали. Узнав об этом, всех детей вернули из леса. Мы привели партизанам коней. И снова, как и при каждой встрече с партизанами, мы с братом просили их взять нас в отряд. И снова нам сказали, что, находясь в детдоме, мы помогаем партизанам — ходим в разведку, собираем оружие, защищаем своих товарищей.

Однажды в детдом приехали незнакомые люди, назвали партизанами, но вели они себя странно: выпили молоко, предназначенное для детей, потребовали открыть

кладовую и забрали все запасы мяса, соль, некоторые вещи. С детьми не разговаривали. Об этом визите мы рассказали партизанам Володе и Лене. Им удалось напасть на след грабителей. Оказалось, это были переодетые полицейские, грабившие население под видом партизан. Все бандиты были уничтожены.

Как-то в детский дом приехали немцы в белых халатах. Они хотели взять кровь у детей. Мы приняли все меры, чтобы сорвать это мероприятие. Этот случай подробно описан в книге Героя Советского Союза Романа Наумовича Мачульского «На огненной земле» (Мн.: Беларусь, 1983).

В конце лета нас с братом и еще многих ребят перевели обратно в детский дом в Острошицком Городке. Мы встретились со своими друзьями. В детдоме произошли изменения. Конойко заменил известный нам Генералов. Здесь он чувствовал себя в полной безопасности: в деревне стоял вражеский гарнизон во главе с отъявленным негодяем Борисом Корневским. Генералов по детдому ходил со стеклом, который пускал в ход при малейшемслушании детей. Как-то Петю Щебетникова по прозвищу Муха и Жору Кудина послали на работу в гончарку. Гончарка располагалась в городке на берегу озера. Мастером и начальником гончарки был Юзик Козловский, спокойный, невысокого роста местный житель. Вместе с ним работали молодые парни Николай Пляйсенберг, сын детдомовской кастелянши Фени Григорьевны, и Игорь, фамилию его не помню. Меня очень заинтересовала работа гончара. Было интересно наблюдать, как из куска глины рождаются кувшины, горшок, миска и другие предметы. Очень хотелось самому постичь это ремесло. Но нас заставляли доставать из глубокой ямы коричневую глину, мять ее ногами, затем пропускать через мелкую терку, чтобы очистить глину от камешков, после чего мы размягчали ее руками до эластичности теста, скатывая в длинные колбаски. С ними уже работали гончары. Работа была очень тяжелая, но нас обещали обучить гончарскому ремеслу, и мы с большим старанием относились к порученному делу.

Козловский разрешал нам садиться за гончарный круг. Вначале, конечно, ничего не получалось, но шаг за шагом

мы продвигались к успеху, глина становилась подвластна движениям наших рук. Первые наши изделия были маленькими, кривобокими, с толстыми стенками. В гончарном ремесле, как, впрочем, и в других, много тонкостей, секретов, на познание которых нужно время. Кроме подготовки глины в наши обязанности входили и заготовка дров, поддержание постоянной температуры в гончарке: на дощатых полках в несколько ярусов сушились готовые изделия. Так как для обжига посуды нужна глазурь, мы ходили на немецкое стрельбище, где собирали пули. Из пуль выплавляли свинец, а затем на обычных каменных жерновах вручную растирали его в порошок. Порошок смешивали с отработанным машинным маслом и этой смесью покрывали внутреннюю поверхность посуды. В таком виде изделия погружались в специальную печь — горн. Обмазка велась вручную, поэтому на загрузку горна требовался почти месяц. Обжиг производился в течение суток. Готовая продукция извлекалась после того, как остынет печь. Посуду распродавали прямо в гончарной.

Работа в гончарке давала нам возможность свободно ходить по Острошицкому Городку. После рабочего дня мы подрабатывали в немецкой казарме, которая размещалась в здании бывшей школы: подметали помещение, выносили мусор. За свою работу получали по куску хлеба, сигареты. Иногда нам удавалось вынести патроны, гранаты, медикаменты. Все это надежно прятали в детдоме.

Как-то за уборку мусора немцы дали нам гороховый концентрат. Вечером вчетвером, мы с братом, Кудин и Корнеев, пошли к строящейся для Кубе даче. Сруб был уже готов, устанавливались стропила. На стройке было много сухих щепок и дров. Мы разложили внутри здания костер, стали варить суп. Ждать, когда он будет готов, не было сил, голод давал о себе знать. Мы ложками черпали суп, якобы для пробы, и так незаметно все съели. Стали думать, чем же заняться. Решили сжечь стройку. Подкинули в костер дров, еловых лапок — костер разгорелся. Огонь стал лизать стены, поднялся до стропил. Вдруг со стороны Острошицкого Городка раздались пулеметные очереди, винтовочные выстрелы. Мы бросились в кусты и

вдоль берега побежали в сторону детдома. Сзади нас слышались голоса. Но гнаться за нами, видно, не решились, было уже совсем темно. Назавтра в гончарке рассказывали, что партизаны хотели поджечь дачу Кубе, но немцы и полицаи потушили пожар. Неизвестно, то ли этот случай, то ли что другое повлияло, но строительство дачи было прекращено.

* * *

Стало совсем холодно, мороз сковал землю, а мы бегали на работу босиком. Юзик Козловский поехал в Минск и обещал привезти нам ботинки. В конце дня мы побежали встречать его на окраину городка. Ботинки-то он привез, но всего две пары. Одна пара досталась Володе, другая — Кудину, а я и Муха — Петя Щебетников — еще целую неделю ожидали ботинок. Наконец ботинки появились и у нас.

Однажды Козловский срочно уехал в Минск. Перед отъездом он поручил нам разгрузить горн и всю посуду, а там в основном были миски. Их следовало отдать немцам, которые должны были за ними приехать. Мы еще не выгрузили и половины, как услышали рокот мотора. Во двор въехала машина. Из кабины вылез немецкий офицер, а с кузова соскочили два солдата. Офицер объяснил по-русски, что они приехали за посудой. Приказал солдатам и шоферу помогать нам вынимать ее из горна и аккуратно ставить в кузов, перекладывая сеном. Солдаты сказали нам, что они переодетые партизаны и что скоро должны приехать настоящие немцы. Это прибавило нам сил.

Вскоре машина была загружена, партизаны поблагодарили нас и уехали. Не прошло и получаса, как во двор въехала другая машина. Это уже были настоящие немцы. Унтер-офицер зашел в гончарку и предъявил бумагу на получение посуды. Мы стали объяснять ему, что час назад уже приезжали немцы и все забрали. Он не мог нас понять. Какие немцы? Затем выругался, сел в машину и уехал. К вечеру вернулся Юзик, мы ему все рассказали, он долго смеялся...

Курсант школы летчиков РККА
Эдуард Соколовский. 1927 г.

Родители братьев Соколовских:
Э.С. Соколовский и А.Н. Новикова.
1929 г.

Братья Соколовские:
Владимир (слева) и Ким. 1941 г.

Представитель Белорусского штаба
партизанского движения
Э.С. Соколовский. 1943 (1944?) г.

Дети чистят обувь немецким солдатам.
Крайний слева — Ким Соколовский. 1942 г.

Партизаны П.Г. Пашук (справа) и его дочь Мария. 1943 г.

Встреча Э.С. Соколовского с детьми — Володей (справа) и Кимом.
 Фото из газеты «Чырвоная змена», 26 июля 1945 г.

Виктор Гудыно. 1951 г.

Партизан Володя Гудзик

Партизан Володя Ужейкин. 1944 г.

Анатолий Мирасов. 1950-е гг.

Партизан отряда «Большевик»
Ф.М. Лельчук

Бывшие детдомовцы, активно помогавшие партизанам,
В.К. Фоменко, И.И. Богдан

Заместитель министра
кинофикации Э.С. Соколовский.
1950-е гг.

Ким Соколовский — чемпион
по классической борьбе общества
ВЦСПС «Пищевик». 1952 г.

Бывший партизан, заслуженный архитектор БССР, лауреат Государственных премий БССР И.И. Бовт (слева) и К.Э. Соколовский. 1960-е гг.

На строительстве мемориального комплекса «Хатынь». Крайний справа — К.Э. Соколовский. Начало 1960-х гг.

Братья Соколовские (слева направо) Климентий, Олег, Владимир
на семидесятилетия матери Анастасии Никоноровны. 1973 г.

В.Э. Соколовский

Герой Советского Союза
Р.Н. Мачульский. 1987 г.

Делегаты и гости I съезда Белорусской ассоциации бывших несовершеннолетних узников фашизма. 1996 г.

К.Э. Соколовский, помощник министра сельского строительства СССР

В.З. Левин, лауреат Государственной премии Республики Беларусь в области архитектуры и строительства, лучший друг К.Э. Соколовского. 2008 г.

...Из детдома ушел Володя Гудзик, за ним Толя Миравсов, а затем Сеня Левкович и Виктор Гудыно. Куда они отправились, никто не знал. Ходили слухи, что к партизанам. Через некоторое время в детдом наведались Левкович и Гудыно. Мы передали им много патронов, гранат, помогли их нести. Просили друзей взять нас с собой. Но они не могли это сделать, просто не имели права. Но и вне отряда мы были полезны для партизан. Я получил патент на чистку обуви на товарной станции. Теперь с ящиком и щетками мы часто ходили в Минск.

Часто посещали мы Комаровский рынок. Там можно было много чего услышать... На рынке стоял гул, в разных местах разговор шел на повышенных тонах. Всех старались перекричать ушлые торговцы пирожков, драников, вареной картошки. Толпа разношерстная, пестро одетая. Зимой кто в тулупе, кто в ватнике, одни в валенках, другие в бурках с калошами... Вокруг разговоры о немцах, полицейских — «бобиках»... Слушай, выбирай важное, — что мы и делали. Услышанное перепроверяли и только тогда передавали партизанам.

Действовали мы под руководством старших товарищей.

Судьба свела нас с удивительным человеком, которому мы обязаны очень многим. Петр Григорьевич Пашук был для нас примером. За его плечами была тяжелая, полная опасностей жизнь. Служил в царской армии. Был унтер-офицером 252-го пехотного полка. Его личные мужество и отвага были отмечены четырьмя Георгиевскими крестами и двумя медалями «За заслуги перед Отечеством». Воевал за советскую власть, громил банды Булак-Балаховича, был военным комиссаром волости на Мозырщине. Посещали его мы часто. Он жил с семьей по улице Коллекторной в доме № 32. В его квартире укрывались партизаны, их связные, подпольщики. Петр Григорьевич был связан с Логойской партизанской бригадой «Большевик». Собирал для партизан сведения о противнике, медикаменты, оружие. Мы часто собранное переносили в отряд. Ходила к партизанам и его дочь Мария. Фактически он руководил группой партизанских связных. В нее входили не только мы, детдомовцы, но и минские ребята: Се-

мен Фишкин, Володя Лисицын, Саша Ковалев, Миша Жуков, Володя Немкович, Дима Пастушков.

С осени 1943 до мая 1944 года выполняли мы задания Игнатия Шелака, который заведовал подсобным хозяйством детдома, пока нас не вывезли в штатлаг № 337 (под Барановичами), а затем в Германию. Он был очень внимательным, немногословным. Казалось, Игнатий будто присматривался к нам, пацанам. Как-то мы поделились с ним, что иногда работаем у немцев в гарнизоне. Тогда Шелак предложил нам внимательно следить за ними и все сведения о них передавать ему. Мы стали передавать И. Шелаку сведения о подготовке немцев и полицаев к операциям против партизан. Передавали украденные у немцев патроны, гранаты, медикаменты, иногда винтовки и гранаты, найденные в лесу на месте прошедших боев. Только мы с братом Володей передали ему около двадцати винтовок, несколько тысяч патронов, более полусотни гранат, много медкомплектов, несколько пистолетов. По его заданию мы ходили к подпольщикам Минска, проживавшим на улицах Берсона, Коллекторной, Розы Люксембург. Они через нас передавали И. Шелаку сведения о передвижении немцев, готовящихся акциях против партизан в Логойском районе. Иногда я на несколько дней с ящиком со щетками для чистки обуви дежурил на товарном и пассажирском вокзалах. Дважды попадал к немцам. Как-то полиция схватила всех мальчишек-чистильщиков и отвела в СД. Оно помещалось в здании бывшего мединститута. Допрашивали всех с пристрастием, но улик в том, что мы связаны с партизанами, у немцев не было. Били всех сильно. Я молчал, вспоминая, как Толя Мирасов предупреждал:

— Бьют, но ты ничего не говори, больше плачь и кричи: «Ой, больно! Ой, больно!» — и тогда тебя отпустят.

Так оно и было. Деньги у чистильщиков забирали. Давали тумака. Однажды мне разбили голову, я еле добрался до детдома.

Получил как-то я задание достать типографский шрифт. Взял сумку от противогАЗа, и мы с братом пошли в Минск. Я зашел в здание типографии имени И.В. Сталина. У входа

стоял полицейский с винтовкой. Время было обеденное. Вокруг никого. Сказал полицейскому, что меня прислали полицейские из Острошицкого Городка за шрифтом. Дал ему денег. Полицейский повел меня в наборный цех и насыпал в сумку шрифты. Брат в это время следил, нет ли за мной слежки или «хвоста». К счастью, не было. Вышли мы на Логойский тракт, проголосовали. Остановилась машина с немцами. Посадили нас в кабину. Спросили, что в сумке. Я ответил, что везем шрифт в полицию Острошицкого Городка для выпуска листовок. Они насторожились и привезли нас в полицию. Сказали, что мы, видимо, партизаны. Дежурил знакомый полицейский. Он подтвердил, что шрифт нужен полиции, а мы — детдомовцы. Нас отпустили.

Боевая характеристика на связного-партизана Соколовского Климента Эдуардовича

Соколовский Климентий являлся связным-партизаном отряда «Большевик» бригады «Большевик».

В первые дни войны Климентий совместно с братом Володи уже принимали участие в боях под Дроздами. Они подносили патроны и мелкокалиберные снаряды бойцам Красной Армии. Соколовский Климентий вместе с братом Володей до войны находились в пионерском лагере «Дрозды». Там их застала война, и они оказались на оккупированной территории.

В Дроздах Соколовский Климентий и другие подростки укрывали в погребке пионерского лагеря советских командиров, бежавших из плена. Они делились последней краюхой хлеба с ранеными, приносили раненым и больным перевязочный материал, различные медикаменты. После выздоровления с большой благодарностью к подросткам командиры уходили продолжать борьбу с фашистами. Здесь же в Дроздах Соколовский К. вместе с другими ребятами доставали и передавали партизанам оружие и боеприпасы, но он был выдан и жестоко избит фашистами.

В 1942 г. в детском доме уже в Острошицком Городке Соколовский К. вместе с другими подростками продолжали собирать оружие и боеприпасы и передавать партизанам.

Партизанское руководство отряда «Большевик» бригады «Большевик» посылало Климента Соколовского в разведку с целью узнать, как безопаснее войти и выйти из Минска. Необходимо было также знать обстановку в Минске, расположение воинских частей и карательных органов.

Соколовский К. устроился чистильщиком обуви на вокзале. Чистил фашистам обувь и внимательно наблюдал, какие и с чем идут эшелоны в сторону фронта и обратно. Эти сведения передавались партизанам.

Кроме того, им в отряд передавались: медикаменты, шрифт, бумага, оружие разного вида (гранаты, патроны, винтовки).

Осенью 1943 г. Соколовский К. вместе с другими партизанами-подростками подожгли дачу, которую строили для гауляйтера фон Кубе в районе Острошицкого Городка. Он также принимал участие в разгроме фашистского санатория в Острошицком Городке. Соколовский К. был активным связным-партизаном отряда «Большевик» бригады «Большевик».

Секретарь Минского подпольного обкома партии
и командир соединения партизанских отрядов Минской
и Полесской областей, Герой Советского Союза

подпись

Р.Н. Мачульский

* * *

Продолжая работать в гончарке, мы многому научились. Наши изделия уже отличались от тех, что делали взрослые, только размерами.

...В детдоме готовились к зиме. Во второй половине дня мы пилили и кололи дрова, складывали их в штабеля. Володя очень любил колоть пни и всякие коряги, которые не поддавались ребятам и постарше. Это его сильно увлекало. Нужно было, поворачивая корягу, найти место между сучьями и нанести точный удар. Тогда успех был обеспечен. Это было своего рода соревнование среди ребят в ловкости, силе и смекалке. Однажды, когда проходило очередное соревнование, прибежал Воцик Бабицкий и сказал, чтобы все старшие ребята шли вниз, — так приказал Генералов. Булдов, Ананьев, Бодров, Сытов, Огурецкий, Заматаев, Важник, Лифанов, Бабицкий, Витька «Косой» и другие пошли вниз. За ними двинулись и мы с братом. Вокруг машины с крытым верхом толпились ребята. Генералов приказал им садиться в машину. Машина тронулась. Вдруг откуда-то выбежал Муха и на ходу зацепился за борт машины. Ребята помогли ему залезть в кузов. Так увезли старших ребят, куда — неизвестно.

После того как увезли старших ребят, в детдоме стало скучно. Не стало наших друзей — Булдова Гены, Ананьева Толи. До войны они оба занимались в рисовальном кружке Дворца пионеров. В детдоме Гена и Толя в свободное время учили детей рисовать. Теперь все это прекратилось.

Становилось все холоднее. Как-то, проснувшись утром, мы увидели, что земля покрыта снегом. Наступившая зима обострила голод, который царил в детдоме постоянно. Мы — «дроздовцы», более «опытные», отправились в деревни «жабровать». Ходили в Бродки, Новоселки, Рахманьки. Ходили группами, боясь замерзнуть или нарваться на волков, которых много развелось в лесах. Малыши с нетерпением ожидали нас как своих спасителей. Они знали, что мы обязательно с ними поделимся. После нашего возвращения все оживали. Заранее были заготовлены дрова, консервные банки. «Мухоморы» чистили картошку, ставили варить ее в банках, клали в золу, закладывали во вьюшки, там она пеклась с солью. Такая картошка считалась самым главным деликатесом. И беда была, если в такой момент появлялся Генералов. Он открывал дверки печек, палкой выворачивал банки, выгребал из золы картошку, ругался и бил этой же палкой тех, кто попадался ему под руку. Крик озверелого Генералова смешивался со звоном выбрасываемых банок, плачем и стонами детей. Разорив все и выместив свою злобу на детях, Генералов удалялся, угрожая вернуться вновь. Но, несмотря ни на какие угрозы, ребята снова разжигали печи и продолжали кашеварить — желание есть было сильнее страха.

Долго тянулась зима, но и ей пришел конец. Пригрело солнышко, на полях появились проталины. Ребята с торбами и палками вышли собирать оставшуюся с осени промерзшую картошку. Приносили ее в детдом, мыли, очищали от кожуры, мяли — получалось своеобразное тесто. Из него пекли казавшиеся очень вкусными сладковатые лепешки — шайморы. Если бы не шайморы, многие умерли бы с голоду.

Володя Матюшенков работал в кладовой, подметал там пол. Однажды он рассказал нам, что в кладовую немцы

привезли продукты — хлеб, соль, маргарин, повидло. Мы поделились этим с Ледиком Петровским и Жорой Кудыным. Обсудили это и решили вынести со склада часть продуктов. Проникнуть туда через дверь было невозможно, оставалось только окошко. Но на нем была решетка. Однако отступить мы не собирались. Не зря же в народе говорится, что голь на выдумки хитра. Ледик предложил взять на кухне половник, которым разливают суп, и им через решетку черпать соль и повидло. Вова предложил к длинной палке привязать крюк и этим приспособлением доставать хлеб. Все было продумано и приготовлено. Решили провести операцию днем, чтобы уменьшить подозрение. Жору поставили на «шухере». Мы втроем приступили к делу. Ледик стал к стене, Вова забрался ему на спину, осторожно выдернул гвозди и вынул стекло. Половником зачерпывал повидло и накладывал в банку, которую я держал. Таким же образом мы достали маргарин и соль. Труднее было с хлебом: ячейки решетки были малы, и буханка не проходила. Пришлось ее разламывать. Таким способом Вова вытянул буханок десять. Время шло быстро. Заканчивался обед, нас могли обнаружить. Вова аккуратно поставил на место стекло. Прижал гвоздиками и прыгнул на землю. Ледик облегченно вздохнул. Операция прошла удачно. Спрятали инструменты и продукты под зданием, в кладовой, и побежали в столовую. Вечером свои трофеи перенесли в клуб и рассовали по печам и матрацам. После ужина угощали ребят хлебом с повидлом. На вопросы, где достали, ответили, что заработали у немцев. Подобные вылазки проделывали несколько раз.

Но, как говорится, до поры жбан воду носит. Кладовщик никак не мог понять, почему исчезает повидло, соль, хлеб. Однажды он зашел в кладовую, от хлопка двери из окошка выпало стекло. Устроили обыск в клубе. Нашли в печке соль, повидло, хлеб мы уже съели. К нам в гончарку прибежал Ледик и обо всем рассказал. Мы вначале не хотели возвращаться в детдом, но, подумав, решили в случае чего утверждать, что соль нашли в печке, а вот кто ее туда положил — не знаем. Генералов построил всех ребят и стал допрашивать. Все молчали. И хотя пря-

мых улик не было, все же заподозрил меня и Ледика. Нас били, но мы не признались. С этого времени склад стали охранять. Мы лишились дополнительного довольствия. Меня наказали — отправили в исправительно-трудовой лагерь СД в Козырево, на окраине Минска. Только через месяц, весь избитый, я вернулся в детдом.

Голод гнал нас на любые заработки, порой даже с риском для здоровья и жизни. Например, я объезжал облегченных жеребцов, за что не всегда брались взрослые. Облегченных жеребцов необходимо было объезжать в течение двух-трех часов, сразу же после операции. Платили за эту работу немало: булку хлеба, кусочек сала, граммов триста и граммов двести соли. Я садился на коня без седла прямо в стойле. Хвост коня привязывали за спину, чтобы он не бил им по свежей ране. Жеребец буквально вылетал из стойла. Удержаться на нем было трудно: он брыкался, становился на дыбы, стараясь сбросить седока. Но я был неплохой наездник. Крепко держался за уздечку и гриву — и гарцевал. Гонял коня в галоп, переходил на рысь и снова в галоп. Особенно бесновался конь около озера. Это связано было с тем, что там находилась мыловарня, где варили мыло из павших лошадей. Конь это чуял. Он на полном скаку останавливался, припадал на передние ноги. Ездок съезжал на шею. Даже смотреть на это было страшно. После объезда коня я еле доползал до детдома. Отлеживался дня три. Ходить не мог: ягодицы были разбиты до крови. Да, не зря объезд жеребцов называли скачкой смерти. А за мной закрепилось прозвище Скакун.

В конце мая 1944 года приехали немцы. Генералов собрал детей и объявил, что детский дом занимают немцы, а всех детей перевезут в Минск в детдом в Козырево. Через час мы все были в Минске, но не в Козырево. Нас привезли на товарную станцию. Там уже стоял товарный состав. Из окон и дверей вагонов выглядывали мальчишки и девчонки. Увидев нас, они закричали:

— Бегите! Нас отправляют в Германию.

Мы с братом и еще несколько ребят бросились бежать. Нырнули под состав с пушками и танками. На путях

стояло несколько составов с немецкими солдатами. Генералов поднял тревогу, нас бросились ловить. Убежать из такой ловушки нам не удалось, нас переловили и привели к составу. Генералов, давая выход злости, пустил в ход свою палку, с которой никогда не расставался. Затем нас загнали в товарный вагон и заперли дверь снаружи. Через некоторое время состав тронулся. Оказывается, поезд не отправлялся потому, что ждали нас, детей из Острошицкого Городка. Свет в вагон проникал через четыре небольших окошка с металлической решеткой, под самым потолком. Я осмотрелся по сторонам. Прямо на полу лежали и сидели незнакомые мальчишки. Всего в вагоне было человек сорок. В центре вагона стояла печка-буржуйка, возле нее на скамье сидели два немца с карабинами. Все молчали, лица у ребят были испуганные, с широко раскрытыми глазами, в которых отражались страх и отчаяние. У этих ребят не было родителей, теперь их лишали Родины.

Поезд двигался медленно, часто останавливался. На остановках к вагону подходил офицер и, не открывая дверей, интересовался, все ли в порядке. Ночью нас привезли на какую-то станцию: были слышны гудки и шипение паровозов, стук сцеплений вагонов. Поезд, в котором мы находились, долго маневрировал: то двигался не спеша, то останавливался. Наконец снаружи заскрежетали засовы, и открылись двери вагона. Состав стоял в тупике на окраине незнакомом населенного пункта. Прямо перед нашим вагоном возвышался высоченный забор из колючей проволоки в несколько рядов. Раздалась команда выходить. Первыми вышли сопровождавшие нас немцы, потом мы. Вдоль состава выстроили его пассажиров. Это были дети, всего около пятисот. Немцы еще раз проверили вагоны, и колонна тронулась. Нас привели в санпропускник. Всех заставили раздеться догола и выстроиться в шеренгу. Подошла женщина в резиновых фартуке и сапогах. В руках она держала ведро с вонючей жидкостью и большую кисть. Она подходила к каждому из детей и все места, покрытые волосьяным покровом, смазывала этой жидкостью. Дошла очередь до Вовы. Женщина опустила

кисть в ведро, на какое-то мгновение замешкалась, а затем ткнула ее ему в голову. По лицу брата потекла густоватая, темная, с запахом керосина жидкость, а женщина продолжила свою работу. Потом она привезла тележки с нашей одеждой. Пуговицы на ней покорежились, а то и вовсе исчезли. Многие, одев брюки, поддерживали их руками. После этого нас повели к небольшим фанерным баракам круглой формы, без окон, напоминавшим юрты. Внутри, вдоль стен тянулись сплошные досчатые нары, покрытые соломой. По всей видимости, эти «юрты»-конуры были рассчитаны на временное проживание вновь прибывших. В этом мы скоро убедились.

Беды наши на этом не кончились. Неожиданно приехали немцы. Офицер объявил, что у нас будут брать кровь. Нас повели в столовую, большой барак с длинными столами и скамьями. Накормили супом из брюквы и приказали не расходиться. Лагерь, куда нас поместили, кроме проволочного ограждения, был окружен почти по всему периметру глубоким рвом, наполненным водой. Охраняли лагерь югославы. К полудню к проволочному ограждению пришли местные жители. От них мы узнали, что попали в лагерь № 337 около Баранович. Они предлагали нам хлеб, вареную картошку в обмен на более или менее стоящую одежду. Они рассказали нам, что в лагере у людей берут кровь, а потом убивают. Вова и Жоре Кудину в детдоме на заработанные ими в гончарке деньги сшили простые костюмчики. Мы выменяли их пиджаки на продукты, несколько дней у нас были картофель и хлеб. На третий день пребывания в лагере нас погнали в медпункт сдать анализ крови. Вечером у Вовы сильно разболелась голова, он, видимо, простудился.

Николай Вовна, Ледик Петровский и мы с братом обсуждали план побега, вошли в контакт с охранниками. Все было подготовлено. Я вывел Колю, Ледика и военнопленных из лагеря, и они ушли. Володе же становилось все хуже. Я уже думал, что брат не встанет. Покинуть лагерь с ребятами я наотрез отказался: «Погибать, Вова, так вместе. Я тебя не брошу». Ночью мы собрали с освободившихся мест солому. Вова зарылся в нее и сильно пропо-

тел. К утру температура спала. Болезнь отступила, но брат сильно ослабел.

На следующий день после побега наших товарищей к лагерю подогнали состав и всех поспешно погрузили в вагоны. Так, по неизвестной нам причине, кровь у нас не взяли, а повезли на запад. Двое суток нас везли без всякой еды, в закрытых снаружи товарных вагонах. Кто-нибудь поменьше забирался на плечи более взрослых, чтобы дотянуться до окна, и через щели в забитом окошке рассматривал местность, по которой нас везли. Время от времени наш наблюдатель сообщал, что видит леса, болота и далеко за ними отдельные дома. На третьи сутки поезд остановился на немецкой станции, кажется Фалькенбург. Всех выстроили на платформе, отдельно девочек и мальчишек. Девочки остались на станции, а нас, мальчишек, повели пешком. Дорога проходила по сосновому лесу, мы еле шли, ведь двое суток во рту не было ни капли воды, ни крошки хлеба. Конвоировавшие нас немцы подгоняли отстающих. Через некоторое время лес расступился. Перед нами было небольшое озеро, на берегу которого виднелись щитовые бараки, окруженные колючей проволокой. Это был лагерь. Нам дали поесть супа из кольяраби и по маленькому кусочку эрзац-хлеба. На следующий день был организован внешний медицинский осмотр, фотографирование с нагрудными номерами в профиль и в фас. Немец брал каждого за указательный палец правой руки, обмакивал его в пасту, а затем снимал его отпечаток. Никто не спрашивал у нас ни фамилии, ни года рождения, ни откуда мы. Через несколько дней нас построили на небольшой площадке и разделили на две группы. Ту, в которую попали мы с братом, повели на станцию. Снова заперли в товарные вагоны и повезли. На следующий день нас высадили в Дрездене. На вокзале нас ждали немцы в желтой форме. Как позже выяснилось, они были из военно-строительной организации. Повели нас в лагерь, расположенный недалеко от элеватора. Лагерь занимал большую территорию, застроенную длинными бараками с высокими черепичными крышами. Каждый барак был рассчитан почти на тысячу человек. Вдоль

прохода, разделявшего барак на две половины, слева и справа располагались нары в пять ярусов. Находились здесь люди в основном из Советского Союза и Польши. Этот лагерь был перевалочным. ЕСТЬ давали два раза в день: утром — кипятком, заваренный березовыми листьями, во второй половине дня — бурду из мучных отходов.

Через несколько дней в наш барак пришел мужчина и сказал, что он может принести в обмен на вещи хлеб. Мы согласились. С нетерпением ожидали темноты. Мужчина не обманул, появился, неся сверток под мышкой. Я попросил его выйти из барака. Мы решили отдубасить этого негодяя, который, видимо, уже не впервые наживался на несчастье людей, а заодно забрать хлеб. Как только мы вышли, ребята напали на него, выхватили сверток, сбили с ног и стали бить. Вымогатель подхватился на ноги и, угрожая, что пожалуется администрации лагеря, бегом скрылся в темноте.

Прошла неделя. В бараке появился немец и назвал тринадцать номеров (фамилий и имен у нас уже не было), скомандовал, чтобы названные вышли из барака. В их число попали и мы с братом. У нас мелькнула мысль: «Не для опознания ли нас вызывают?» Но оказалось, что нет. Возле барака прогуливался пожилой немец в штатском, с тростью. Нас построили. Кроме нас в число тринадцати попали братья Кожевниковы — Гришка и Петька, братья Сердечные — Алик и Ленька, братья Мороз — Левка и Толик, братья Шимановичи — Женька и Вовка, Алик Медведев, Шурка Масюк и Васька Лобанов, самый старший из нас.

Немец в штатском обошел шеренгу, заставил каждого раскрыть рот, осмотрел зубы, пощупал руки, постучал палкой под коленками. Затем еще раз пересчитал всех, достал из кармана большую пачку марок и передал ее немцу из лагерной администрации. Нас продали, как скот, как рабов. С этого момента мы переходили в распоряжение этого старика. Он повел нас к вокзалу. Через некоторое время к перрону подошел пассажирский поезд. Немец провел нас в почти пустой вагон. Поезд тронулся. Он остановился на станции Готлейба. Немец вывел нас из вагона. По дороге мы рассматривали местечко. Оно распо-

лагалось у подножия гор, поросших смешанным лесом. Центральная улица была благоустроена и обсажена поспевающей черешней. Всех занимала одна мысль: куда нас ведут?

Пройдя несколько небольших кварталов, немец, а за ним и мы свернули во внутренний двор четырехэтажного жилого дома. Там нас уже ждали. Собралось много пожилых немков и немцев. Посередине двора стоял стол из досок, на нем — алюминиевые миски и ложки. Нас усадили за стол. Полная немка вынесла кастрюлю и поставила ее на стол, разлила в миски суп, другая немка положила около каждого по кусочку хлеба. Я взял ложку, повернул ее в миске и понял, что она не нужна. Укусив хлеб, стал через край пить так называемый суп. За мной последовали и другие. Среди немцев послышались ропот и знакомые нам слова: «Русише швайн». После еды нас поочередно взвесили на весах, на которых обычно взвешивают мешки, ящики, а затем на стене замерили рост. Написали на картонках полученные результаты и повесили каждому на шею. Как помнится, рост у Вовы был 145 сантиметров, а весил он около тридцати килограммов. Затем немцы подходили к нам, ощупывали, рассматривали. К Воле подошел красный, носатый немец с большим кадыком и отвел в сторону. Постепенно нас всех разобрали. Старый немец на плохом русском языке объяснил, что мы будем жить здесь во дворе, а работать у хозяев. Нас повели знакомить с жильем. Под жилье нам отвели сарай, построенный на высоких столбах. В него вела наружная деревянная лестница. Внутри сарая, прямо на полу, лежали тюфяки, набитые сеном, старые одеяла. Три стены сарая были каменными, а четвертая, выходившая во двор, дощатая, с большими щелями. Через них проникали узенькими полосками солнечные лучи. Окон не было. Под крышей сарая висела электрическая лампочка. Позволив нам определиться, где кто будет спать, немцы вышли.

Хозяин, к которому попал Вова, жил недалеко, на этой же улице. Он привел его в небольшой двор. Слева располагалось одноэтажное здание, из которого доносился шум моторов. Справа, у забора, лежали доски, брусья, куча

опилок. Стало ясно, что он попал в столярную мастерскую. В глубине двора возвышалось четырехэтажное здание. Возле бочки с краской стоял пожилой немец на протезе. Хозяин повел Вову в мастерскую, в цех, где производилась покраска готовой продукции. Пахло лаком. Вова шел за ним, понурился голову. Вдруг перед ним выросла стена из черных гробов. Его охватил ужас. Показалось, что следующая комната непременно должна быть моргом. Немец обернулся и, увидев замешательство брата, засмеялся. Помещение, в которое они вошли, было цехом, оборудованным различными станками — строгальными, распилочными, долбежными. У станков стояли двое парней. На вид одному из них было лет четырнадцать, другому — шестнадцать. Немец им что-то сказал, они выключили станки. В цехе стоял запах свежей древесины и столярного клея. Немец представил старшего парня и сказал, что его зовут Гельмут, а другого, младшего, — Вернер. Вове объяснили, что он должен будет выносить из мастерской обрезки, опилки, убирать станки и во всем слушать Гельмута. Затем вывел Вову во двор, показал на большую кучу обрезков и сказал, чтобы он их перепилил и сложил вдоль забора. Брат выбрал несколько брусков и стал мастерить козлы. Немчики (так мы называли немецких детей) следили за ним через окна. Сделав козлы, стал неспеша пилить обрезки. Так прошел день. К вечеру появился немец и повел его к месту ночлега. По дороге объяснил, что завтра надо быть на работе в шесть часов утра. Во дворе уже собрались все наши ребята, кроме маленького Пети Кожевникова. Делились, кто чем занимался. Я попал к мастеру-водопроводчику, некоторые ребята, так же как и Вова, — в столярные мастерские, другие к сапожнику и портному. Нам дали ужин — чай с куском хлеба. Поужинав, мы поднялись к себе в сарай. Зажгли лампу и стали поближе знакомиться друг с другом. Оказалось, что братья Мороз и Шимановичи из Минска, Кожевниковы и Лобанов Васька из-под Смоленска, братья Сердечные из-под Орши.

Мы лежали и разговаривали. Вдруг Вова услышал на противоположном конце нашего сарая шепот. Он поднял

голову и застыл от удивления. В углу на коленях стояли Левка и Толик Мороз, перед ними была небольшая икона. Они крестились и шептали молитвы. Все поднялись со своих мест, стали их стыдить, но они не обращали на нас никакого внимания. Закончив молиться, они спрятали в изголовье икону и легли спать. Утром, когда мы проснулись, братья снова стояли на коленях. Я разбудил спящих.

Городок еще спал. Мы вышли на улицу и стали рвать черешни. Наевшись, разошлись по местам своей работы. Вова продолжил вчерашнюю работу. В середине дня к нему подошел Гельмут и объяснил, что Вова с ним должен везти гробы. На тележку они поставили четыре гроба, крест-накрест, попарно. Гельмут взялся за оглоблю, а Вова подталкивал сзади. В конце улицы они свернули налево и стали подниматься в гору. Почти на самом верху горы Гельмут повернул к воротам невысокого сетчатого забора. За ним просматривались ухоженный парк и светлые двухэтажные здания. Там ходили немцы на костылях, с забинтованными руками и ногами, некоторые сидели на скамейках. Это был лазарет. Часовой открыл ворота, тележку подкатили к маленькому дому, стоявшему в глубине за корпусами. Навстречу вышел кривоногий, низенький человек и распорядился нести гробы в морг. Вова отказался. Кривоногий заорал и бросился на него с кулаками. Гельмут объяснил ему, что Вова русский. Они вдвоем, без Вовы, разгрузили тележку. Каждый день приходилось возить гробы в лазарет. В остальное время Вова убирал мусор и пилил дрова.

Кормили нас плохо, мы всегда были голодные. Поэтому по вечерам лазили в огороды и сады — наедались на весь день. Но, как всегда бывает в таких случаях, кого-то поймали. Нас всех собрали во дворе и долго ругали, грозились за воровство убить. Тяжелая и голодная жизнь, тоска по родным и родине повернули некоторых из нас к Богу. Атеисты с детства, многие не столько верили в Бога, сколько искали у него защиту. К братьям Мороз примкнули Сердечные, Кожевниковы и Масюк. Я с братом и Женька Шиманович вначале посмеивались над ними, а потом и сами постепенно попали под влияние богомоллов. В молит-

вах мы просили спасти наши «души грешные», а «грехов» за нами все прибавлялось. Однажды в лесу на развилке дорог мы увидели бидоны. Осторожно подкрались и открыли один из них, в нем оказалось молоко. Мы все напились вдоволь. Как же мы жалели, когда, открыв второй бидон, обнаружили в нем сметану. Есть больше мы уже не могли, но в следующий раз мы были поумнее...

В один из воскресных дней пошли осматривать окрестности городка и встретились с военнопленными-словаками. Они завели нас в барак, угощали чем могли. Мы просидели у них долго. Они расспрашивали о Советском Союзе. На прощание дали для наших товарищей сухофруктов и пригласили прийти к ним в следующее воскресенье.

Младший немчик, которого звали Вернер, все время задирался с Вовой. Подбивал его Гельмут. Однажды, слово за слово, и они схватились. Вернер был выше Вовы и, конечно, здоровее. Но у брата было большое желание не только не уступать, но дать ему сдачи так, чтобы он впредь не лез. Вернер первый ударил Вову кулаком в лицо, брызнула кровь. Вова бросился на него, повалил и стал бить. Гельмут подбежал к ним и стал разнимать. В это время вышел мастер. К удивлению Вовы, он стал ругать Гельмута и пригрозилсыпать им обоим. Так бесславно кончились для Вернера его издевательства над Вовой, который в душе ликовал, хотя его лицо, рубашка и руки были в крови.

Время шло, мы все чаще попадались в огородах и садах. Как-то собрали всех нас вместе, и самый главный городской начальник объяснил, что за нарушение порядка нас выдворяют из Готлейбы. На следующий день старик, что привел нас сюда, повел нас на вокзал. В Готлейбе остался один восьмилетний Петька Кожевников, которого не отдал немец-хозяин. Ни просьбы, ни слезы Петьки и его старшего брата Гришки не помогли. Мы все сочувствовали Гришке, но ничем не могли ему помочь. Старик привез нас в город Хайденау и сдал в огромный лагерь «Кютнер». Кого там только не было: русские, украинцы, белорусы, поляки. Лагерь охранялся. На вышках стояли пулеметы, выход за территорию лагеря строго запрещал-

ся. Люди целыми семьями размещались в длинных бараках коридорного типа с небольшими отсеками. Лагерь принадлежал фабрике «Кютнер» «Химфарминдустрии» и был филиалом лагеря смерти «Дора».

Все взрослые и дети старше шести лет работали на фабрике, выпускавшей искусственный шелк. Работать приходилось с утра до позднего вечера в цехах с тяжелым воздухом. Вова попал в цех, где изготавливались шелковые нити. Я — в цех, где из ниток на небольших станках ткались чулки. Вову поставили на обслуживание нескольких автоматических станков, на которых с катушек, расположенных горизонтально, нитки сматывались, проходили через какой-то раствор и наматывались на вертикально вращающиеся катушки. В случае порыва нити нужно было горизонтальную катушку ставить на холостой ход. Голодному ходить целый день возле станков было нелегко, поэтому он умышленно ладонью обрывал нити сразу нескольких катушек, а затем возился возле этого станка. Это был хоть маленький, но отдых. Его проделку заметил мастер по прозвищу Изюм. Он подскочил к нему и со всего размаха сильно ударил в ухо. Вова упал без сознания. Я с товарищами затащил его в барак. Несколько дней Вова не ходил на работу. Меня заставили, кроме своей, выполнять работу брата.

Вечерами мы собирались и вспоминали о Готлейбе. А утром опять приходилось идти на фабрику.

В лагере ежедневно умирали с голоду маленькие дети. Хоронить их было негде. Администрация лагеря забирала их трупы у матерей и сдавала на мыловаренный завод, расположенный рядом. Картина была жуткая, матери со слезами провожали до самых ворот специальные черные ящики с мертвыми детьми. Дальше их не пускали. И обезумевшие от горя женщины, стоя на коленях, смотрели вслед «гробикам», пока они не скрывались из виду. Мы понимали, что нас ожидает то же самое, ведь с каждым днем мы становились слабее и слабее.

В один из мартовских вечеров к нам в барак зашел мужчина с мальчиком лет двенадцати в очках. Мы насто-рожались и притихли. Мужчина назвал свою фамилию —

Брыцько, сказал, что он учитель из Беларуси, из города Крупки. Мальчишка был его сыном, звали его Леня.

— Я слышал, что вы тоже из Беларуси. Я помогу вам выбраться отсюда, — сказал он. — Ждите меня через неделю.

Брыцько не подвел. Ровно через неделю он появился у нас и сказал, чтобы мы собирались. Собрать нам было нечего. Все было на нас: старые истрепанные вещи, все в дырах, на ногах ничего не было — ходили босиком.

Новый знакомый повел нас за ограду. Мы шли по улице Дрезденштрассе. Пройдя километра два, мы вышли к городу Пирна, подошли к пятиэтажному дому, на котором висела вывеска: «Хотель Вайсрутениш». Брыцько ввел нас в здание. В помещении, которое когда-то было вестибюлем, стояли двухэтажные нары с соломой. Брыцько сказал, чтобы мы располагались. Мы заняли нары: на нижнем ярусе легли младшие, на верхнем — старшие. Брыцько расспрашивал, где кто родился, о родителях, как попали в Германию. Сказал, что здесь мы будем жить, а на работу ходить в мастерские. Пока мы разговаривали, к нам заглядывали военные в незнакомой форме, без погон. Оказывается, это были военнопленные — французы, итальянцы, испанцы, англичане. Они узнали, что привезли русских детей, и пришли с нами познакомиться. Впоследствии мы с ними подружились. Запомнилось, что итальянцы буквально боготворили своих матерей.

На следующей неделе нам привезли поношенную одежду и брезентовые ботинки на деревянной подошве. На одежде были следы крови, видимо, она принадлежала заключенным, которых фашисты уничтожили. По воле судьбы Вова опять попал в столярную мастерскую. Она находилась на улице Лянгештрассе, 5, и называлась «Тышлярай Герман Матхес». Это была большая мастерская, я бы сказал фабрика, располагавшаяся в четырехэтажном здании. На каждом этаже были цеха, оборудованные различными механизмами. Кроме хозяина, которому было около семидесяти лет, там работали его сын, лет тридцати, глухонемой, дочь, которая вела все делопроизводство, еще несколько женщин, инвалид и горбатый, седой, с пыш-

ными усами, вечно чем-то недовольный и неразговорчивый старый немец со значком нацистской партии. Все его боялись, даже хозяин. Кроме немцев на подсобной работе были заняты поляк, полька и два венгра. Вове было приказано подносить доски, уносить готовые изделия на склад, подметать опилки и стружки, а также возить гробы к местам их использования. Я попал в мастерскую по ремонту велосипедов, мотоциклов и швейных машин.

Вставали мы в шесть часов утра. Похлебав супа из брюквы или кольраби, выходили на пустынные улицы. Каждый наш шаг гулко отдавался в тишине — так гремели наши деревянные колодки по асфальту. Из окон высовывались старухи и старики, грозили нам кулаками и ругались. Работали мы до двенадцати часов, а затем шли в лагерь на обед. Как правило, в это время каждый день объявлялась воздушная тревога, налет совершали американские самолеты. Они летели в сторону Дрездена на большой высоте. В небе сверкали серебристые точки. Немцы стреляли только из зениток, самолеты не поднимались. Иногда американцы сбрасывали бомбы и на Пирну. Во время тревоги всех загоняли в бомбоубежище. Было очень страшно, но одновременно хотелось, чтобы такие налеты были почаще. Однажды я не успел забежать в укрытие и увидел, как от самолетов отделились черные точки, и тут же раздался взрывы. На моих глазах одна бомба попала в пятиэтажный дом, прошла перекрытия и взорвалась в подвале. Дом словно осел, а на его месте оказалась гора камней. Обычно тревога длилась около часа. И так было каждый день. Отдушиной для нас были вечера, когда мы оставались без всякого присмотра. Мы вооружались шомполами в виде цепочек и выходили на «охоту». «Охота» заключалась в умышленной драке с немецкими мальчишками. Идя по улице, мы специально громко разговаривали. Услышав нас, выскакивали немчики с криками «русише швайн». Мы убегали от них, увлекая их подальше от дома в полупустынные улицы, а затем нападали на них и били шомполами. Конечно, перепадало и нам, но мы были беспрельдно довольны этими походами.

Во дворе, где был расположен лагерь, также жили немецкие ребята. Некоторых помним по именам — Хорст, Хельга и Эрега. В отличие от других немчиков они относились к нам более или менее дружелюбно.

В мастерской все чаще говорили, что скоро кончится война. Говорили между собой, тайком от горбатого прусака. Однажды хозяин позвал Володю к себе в комнату. В эту комнату, кроме него, никто не входил, в ней хранились ценные породы дерева, шпон, краски и дорогостоящие инструменты. Вова испугался, хозяин это заметил и похлопал его по плечу. Закрыв двери на ключ, он, перемешивая немецкие и русские слова, стал рассказывать, что в 1914 году был в плену у русских. От плена у него остались хорошие воспоминания о чутком отношении русских людей к ним, военнопленным. Стал спрашивать о родителях. Вова, ничего не скрывая, рассказал, что отец военный и что в начале войны он потерял отца и мать с маленьким братом. Хозяин сочувственно слушал и даже прослезился. Потом встал, раздвинул стопку шпона — там оказался небольшой радиоприемник. Он включил приемник и настроил его на Москву. Впервые за все годы войны Вова услышал передачу на родном языке из далекой, но очень близкой и дорогой Москвы. Передавали сводку Совинформбюро: наши войска заняли город Бреслау. Хозяин выключил радиоприемник и достал карту, которая была вся разрисована линиями и стрелками, стал делать на ней новые пометки. Он давно следил за событиями на фронте. Неизвестно, что заставило его посвятить Вову в свою тайну. Он предупредил брата, чтобы тот никому ничего не рассказывал.

Об услышанном вечером Вова рассказал только своим товарищам. Он неоднократно вместе с немцем слушал передачи из Москвы. С наступлением весны участились налеты американских самолетов. Теперь они прилетали два раза в день. Несколько раз бомбили Пирну. Как-то после очередной бомбежки Володю послали отвезти гробы в морг, который находился на кладбище. Из развороченных бомбами могил торчали останки людей. Уцелел только один морг. Из него вышел слугитель. Вместе раз-

грузили гробы. Оказывается, рядом с кладбищем находился военный завод, и американцы, желая его уничтожить, весь груз обрушили на мертвецов.

В конце апреля мы, как всегда, вышли на работу. Нас всех удивило убранство улиц: на каждом доме висел флаг со свастикой и черными траурными лентами. Придя в мастерскую, Вова спросил у немки, почему повесили траурные флаги. Она отослала его с этим вопросом к горбатому немцу. Прищурился, тот посмотрел на Вову, помолчал, а затем громко сказал: «Гитлер капут». Вова, не долго думая, ответил: «Ну и гут, скоро конец войне». Фашист что-то пробурчал себе под нос, повернулся и ушел. Мастерскую закрыли и всех распустили.

На работу мы больше не пошли. Через несколько дней Вова с Гришкой Кожевниковым отправились на стадион, который был рядом, в надежде встретить там кого-нибудь из знакомых. Немцы согнали туда несколько тысяч человек, в основном вывезенных из оккупированных районов Советского Союза. С приближением фронта они перемещали наших людей дальше в тыл. Однако знакомых не нашлось. Вдруг в небе послышался гул самолета. Над землей пронесся самолет темно-зеленого цвета с красными звездами на крыльях. Заговорили зенитки, но самолет развернулся и улетел. Ребята бегом бросились в лагерь. Вова рассказал, что видел советский самолет, но никто не верил. Лагерное начальство закрыло ворота и никого не выпускало. Наступил вечер. В стороне Дрездена виднелось зарево и слышались раскаты канонады. Всю эту ночь мы не спали и, чуть только рассвело, были уже на ногах. Самолеты, сбросив бомбы, развернулись и улетели. Мы удрали из лагеря. Взобрались на гору. Мы не знали, что рядом с нами на горе были эсэсовцы. Оглянувшись, я увидел их, мы зарылись в яму: боялись, что они нас заметят и убьют. А жить, ох, как хотелось! Забравшись в траву, мы залегли и наблюдали за городом. К полудню все стихло, самолеты больше не прилетали. Над городом поднимались столбы дыма. Мы спустились вниз. Придя в лагерь и узнав, что немецкие солдаты ушли, мы побежали к казармам в надежде найти что-нибудь съестное. В помещении

царил хаос, все шкафчики были распахнуты, на полу валялись вещи, и только карабины стояли в полном порядке. Мы разобрали карабины и стали стрелять по висящим у потолка лампочкам. Увлечшись, мы не сразу заметили малыша, который прибежал с улицы и кричал, что на Дрезденштрассе идет перестрелка.

Прихватив побольше патронов и карабины, мы побежали туда. Володя заметил в пятистах метрах на противоположной стороне двух солдат. Они, прижимаясь к стене, короткими перебежками приближались к нам. Время от времени солдаты вели огонь из автоматов по окнам зданий. Когда они поравнялись с воротами, мы бросились им навстречу. Нашей радости не было предела: перед нами были совсем молодые бойцы с погонами на плечах и красными звездочками на пилотках. Завязался разговор. Бойцы спрашивали, есть ли в лагере немцы. Мы рассказали им, что конвойный взвод удрал, регулярных войск в городе не было видно. В это время из окна дома на Брайтштрассе раздался выстрел, пуля ударила в мостовую. Один из бойцов мгновенно вскинул автомат и дал короткую очередь по этому окну. Мы присоединились к бойцам и стали патрулировать по Дрезденштрассе и Брайтштрассе. Во многих окнах появились белые флаги, сделанные из простыней, наволочек, полотенец. Это говорило о капитуляции. Примерно через час со стороны, откуда пришли бойцы, послышался шум мотора, и вскоре появился небольшой броневик. Подъехав к нам, броневик остановился. Из него вышел высокий военный с орденом Красного Знамени на груди. На его зеленых погонах между двумя красными полосками сверкала большая звездочка. Боец, который на вид был постарше, подошел к командиру и доложил:

— Товарищ майор, в городе немецких войск нет.

Майор посмотрел на нас и спросил:

— А это что за вояки?

Тот же боец ему ответил:

— Это свои хлопцы, они были в плену.

Майор поблагодарил всех за службу, сел в броневик и уехал. Вскоре в конце Дрезденштрассе появились танки.

Они шли, как на параде, — по два в ряд. Их было много, казалось, им не будет конца. На улицу вышли жители города. Они стояли на тротуарах, на лицах большинства из них были страх и растерянность. Люки башен танков были отброшены назад. Танкисты, стоя во весь рост, приветствовали жителей города. Мы громко кричали: «Ура! Ура! Ура!!!» — и вдруг, как по команде, сорвались со своих мест и побежали к танкам. Танкисты подняли нас на машины. Узнав, что мы русские, стали раздавать нам подарки. За танками двинулась колонна автомашин с пушками.

И снова мы не спали всю ночь. Не спали от охватившего нас возбуждения, радости, осознания свободы, о которой мы мечтали все четыре года войны. Мечтали и верили, что она придет. И она пришла!..

В нашем вестибюле не смолкала русская речь, звучали здравицы в честь победителей. Мы, мальчишки, с гордостью поднимали стаканы вместе с бойцами, освободившими нас из фашистской неволи. Радости не было конца. Бойцы рассказывали о боевых делах, о своих семьях, где были такие же пацаны, как мы. Разговоры затихли далеко за полночь. Кто-то предложил поменять наше тряпье на хорошую одежду. Это предложение все поддержали, и мы дружно отправились по магазинам. На улице нас задержал патруль, но, убедившись, что мы свои, отпустил. Разбив окно витрины магазина, мы очутились в темном помещении. Каждый подобрал себе костюм и ботинки, больше нам ничего не надо было. Мы не были грабителями, мы просто взяли самое необходимое.

Утром, раздобыв велосипеды, мы с братом и Гришка Кожевников отправились в Готлейбу за его братом Петькой. Добрались к полудню. Хозяин спрятал Петьку, не хотел отпускать. Пришлось прибегнуть к помощи наших бойцов. Наконец Петька был с нами. Один велосипед мы отдали бойцам. Володя с Гришкой сели вдвоем, а я усадил на свой маленький велосипед Петьку. Двинулись в обратный путь. Поздно вечером уставшие, но радостные мы вернулись в Пирну.

Чувства радости и свободы постепенно уступили место вспыхнувшей в нас жажде мести за все, что мы пережили

на протяжении войны, плена. Вооружившись пистолетами и ножами, мы бродили по городу, задирались с немцами, часто устраивали драки, грозили оружием. Но это длилось недолго. Через несколько дней в Пирне была организована советская военная комендатура. После одной из очередных драк немцы пожаловались военному коменданту, нас арестовали. Пришлось сдать оружие. Комендант долго нам объяснял, что советские войска пришли в Германию не с целью мщения, а для освобождения Европы и немецкого народа от фашизма, что мы своими поступками подрываем авторитет Советской Армии-освободительницы.

Нас поселили в небольшом двухэтажном коттедже, расположенном рядом с комендатурой. Для поддержания порядка к нам был прикомандирован лейтенант. Вскоре к нам присоединились еще девять детей. Теперь нас стало двадцать два. Мы жили в чистых комнатах, за нами ухаживали две русские женщины. Они готовили нам еду, стирали белье. Всем нам сшили военную форму, пилотки, постригли наголо. Каждое утро приходил лейтенант и целый день занимался с нами строевой подготовкой, разучиванием новых песен, проводил беседы. Делал все, чтобы отвлечь нас от хулиганства. Теперь мы были на положении военных.

Так размеренно текла наша жизнь. Но бездействие стало нам надоедать, и мы пошли к коменданту с просьбой отправить нас домой. В начале июля нас снарядили в путь. Выделили два оборудованных вагона, постельные принадлежности, продукты питания, сопровождающего офицера. Наши вагоны были включены в состав, на котором возвращались домой демобилизованные воины.

Поезд шел очень медленно, часто останавливался. Все станции были забиты поездами с возвращавшимися домой. Доехали до Варшавы. Здесь наш поезд задержали на двое суток. Варшава лежала в руинах.

Ночью двинулись дальше. Впереди Брест — Родина! Сердце сжалось. Неописуемое волнение охватило нас, когда проезжали Барановичи. Отсюда в мае 1944 года нас

увозили в Германию. Волнение усиливалось по мере приближения к Минску. Все ребята притихли...

14 июля 1945 года мы, 13 ребят, прибыли в Минск, на товарную станцию. По команде построились по два и двинулись в город. Шли среди руин и развалин.

Сопровождающему нас лейтенанту было поручено доставить нас в Минский горисполком, так как большинство детей были минчане. Вышли на бетонный мост, по Московской улице двинулись в сторону Дома Правительства. На подходе к нему мы с братом увидели, что наш дом цел. Мы попросили у лейтенанта разрешения заглянуть туда. Он вначале не соглашался, но нас поддержали все наши товарищи, и он сдался. Мы с братом, а за нами и ребята бегом поднялись на второй этаж, постучали в свою квартиру. Дверь открыла незнакомая женщина и спросила:

— Вам кого?

Вова сказал, что мы здесь жили до войны. Женщина воскликнула:

— Так вы дети Соколовских?

Мы утвердительно кивнули. Лицо женщины засияло. Сильно волнуясь, она сказала, что наши родители живы и проживают по улице Московской в доме 12 или 14. Это было совсем рядом. Мы бросились искать родителей. Ребята не отставали от нас. Номера этих домов оказались за западным мостом, и мы повернули назад. По дороге зашли во двор большого дома. Там играли дети. Мы на всякий случай спросили о семье Соколовских. Один мальчик показал на 4-й подъезд и назвал номер квартиры. Мы прямо взлетели на второй этаж и постучали в дверь. На стук дверь открыла маленькая девочка, рядом с ней стоял черноглазый мальчик постарше. Вова спросил, дома ли мама? Мальчик повернулся к девочке и шепелявя произнес:

— Ирка, наши Кимки, Вовки приехали.

Перед нами был наш родной братишка Олег, с которым мы расстались, когда ему было немногим больше годика. Нас он, конечно, помнить не мог. Поэтому Вова спросил:

— Кто же из нас Вовка, кто Кимка?

Он вытянул свою маленькую ручонку и показал на меня:

— Ты Кимка, а он Вовка.

Все засмеялись.

— Откуда ты знаешь про нас?

— Мне папка и мамка много про вас рассказывали, — ответил Олег.

Мы прошли в квартиру. Она была почти пустая. Стоял большой стол, кровать, которую мы в 1941 году перенесли к учительнице Забродской. Деревянные чурки заменяли стулья, здесь были и ящики из-под снарядов.

— Где же папа, мама? — спросил Вова.

— Мама в магазине, а папа на работе, — бойко отвечал наш братик.

Пока мы разговаривали с Олегом и девочкой, которая оказалась нашей двоюродной сестрой Ирой Шиманской, мальчишка, показавший нам квартиру, побежал за мамой, а соседка позвонила на работу отцу.

Вдруг мы услышали мамин голос, такой родной и любимый. Ребята расступились, и мы увидели маму. Бросились к ней, нашей дорогой маме, обнялись. Из ее глаз катились слезы, слезы радости и счастья. Мама сильно изменилась, в свои неполные сорок лет была совсем седая и, как нам показалась, стала ниже ростом. Мы стояли ровные с ней. Радость переполняла нас. Почти четыре долгих года мы с братом верили, что вернемся домой, встретим маму. И вот это сбылось.

Мы объяснили маме, что лейтенант должен сдать всех ребят в горсовет. Вся компания тронулась дальше в путь. Проходя мимо здания бывшего штаба Белорусского военного округа, ныне педагогического университета, мы увидели отца. Отец не шел, а бежал нам навстречу. Мы выбежали из строя и бросились к нему в объятия. Отец приподнял нас на руки, как когда-то маленьких, поцеловал, а мы уцепились за его шею. Тут подошли ребята. Многие прохожие останавливались, глядя на нас, а, узнав в чем дело, некоторые женщины плакали.

Наша встреча с отцом была снята фотокорреспондентом БЕЛТА В.Н. Лупейко. Эта историческая фотография является бесценной реликвией в нашей семье.

ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Мы, братья Соколовские, нашли свое место в мирной жизни, стали уважаемыми людьми. Нам приходилось по долгу службы общаться с руководителями республики П.К. Пономаренко, П.М. Машеровым, Т.Я. Киселевым, М.В. Ковалевым, А.А. Смирновым, Ю.В. Колоколовым, Г.В. Каменским, И.Ф. Климовым и многими другими. Мне «путевку в мирную жизнь» дал Петр Андреевич Абрахимов, добрейшей души человек.

Брат Владимир стал архитектором, известным не только в республике, но и далеко за ее пределами, общественным деятелем. Возглавлял крупнейший Белорусский научно-исследовательский проектный институт «БелНИИ-гипросельстрой». Доцент, кандидат архитектурных наук, заслуженный архитектор БССР. Его трудовые успехи отмечены правительственными наградами: орденами Октябрьской Революции, Дружбы народов. Он лауреат Государственных премий СССР и БССР. Автор многих научных работ по проектированию и застройке сел и деревень. Некоторые из них переведены на немецкий, английский языки. Неоднократно выступал на международных симпозиумах. Все свои знания, умения и талант отдал он родной Беларуси. К сожалению, брат не дожил до выхода этой книги. Уже более четырех лет его нет на свете.

Я закончил техникум пищевой промышленности, затем строительный факультет вечернего отделения Белорусского политехнического института. Длительное время работал в управлении капитального строительства министерств: пищевой, легкой промышленности, промышленности продовольственных и промышленных товаров. В Главснабе Совнархоза БССР исполнял обязанности начальника отдела стройматериалов и сантехники. Работал в управлении капитального строительства Совнархоза, помощником первого заместителя Председателя Совнархоза БССР по капитальному строительству, нештатным секретарем Постоянной комиссии по капитальному строительству и стройматериалам Президиума Верховного Совета БССР, 17 лет был помощником министра сельского строительства БССР,

заведовал сектором отдела развития производственной базы сельского строительства Проектно-конструкторского бюро Минсельстроя БССР. Принимал непосредственное участие в строительстве хлебозаводов, холодильников, мясокомбинатов, птицефабрик и многих других жизненно важных объектов. Курировал строительство мемориальных комплексов «Хатынь» и «Ленино» (посвящен боевому содружеству советских и польских войск в годы Великой Отечественной войны).

Награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, медалью «Партизану Великой Отечественной войны», почетными грамотами министерств и ведомств СССР и БССР. Маршал Иван Христофорович Баграмян вручил мне нагрудный знак «Никто не забыт, ничто не забыто». Память о прошлом, о пережитом не отпускает меня до сих пор. Выражается она и в поэтических строках. Стихи, поэмы, баллады — все о войне. На слова моих стихов написано много песен.

ДРУЗЬЯ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Володя Гудзик

Виктор Гудыно

Марат Кузнецов

Феликс Лельчук

Анатолий Мирасов

ВОЛОДЯ ГУДЗИК

Старшим из нас, детдомовцев, был Володя Гудзик. Он был сыном полкового комиссара 100-й стрелковой дивизии.

Родился он в 1928 году в Винницкой области. В 1937 году его отец Феодосий Яковлевич служил в 100-й стрелковой дивизии, которая стояла в Уручье, под Минском. Володя гордился своим отцом — участником финской кампании, свидетельством мужества и отваги которого на этой войне был орден Красного Знамени.

Мать Володи, Александра Борисовна, работала библиотекарем в дивизионной партшколе.

22 июня 1941 года она привезла Владимира в детский санаторий под Минском, в Острошицкий Городок. Оставила отдыхать и набираться сил. А через несколько дней в том районе уже шли бои. Некоторых детей успели забрать домой, остальные пробовали добраться до дома самостоятельно. 12-летний Владимир отправился пешком в Минск — двадцать страшных километров. Вдоль дороги лежали убитые солдаты, груды сожженной и разбитой техники, мертвые лошади. В ужас привел мальчишку вид сгоревшей командирской машины с четырьмя обугленными трупами. К вечеру добрался он до пригородной деревни, где его ждали неутешительные вести — все военные семьи эвакуированы из города. Значит, он остался один...

Снова двадцать километров пути — и он в своем санатории, среди множества таких же одиноких, потерявшихся детей. Война началась внезапно, отдохавшие в пионерских лагерях, профилакториях, санаториях дети оказались брошенными на произвол судьбы. Володе еще повезло, их санаторий был приспособлен для зимних условий.

Два года прожил Володя в бывшем санатории, который немцы преобразовали в детский дом. Конечно, сделано это было далеко не из гуманных соображений. У воспитанников постоянно брали кровь, абсолютно не заботясь, как это скажется на их здоровье. А ведь жили детдомов-

цы впроголодь, многие были слабые и после нескольких «процедур» уже не оправлялись... Мальчишек постарше отбирали для работы в Германии. В 1942 году признали годным для отправки и Владимира. К счастью, при более тщательном медицинском осмотре его «забраковали» — на теле нашли много фурункулов.

Пытались готовить из детдомовцев и диверсантов: учили прыгать с парашютом, обращаться со взрывчаткой. Потом их забрасывали на самолетах в тыл наших войск, обещая по возвращении золотые горы. Каждому выдавалось несколько мин, замаскированных под кусок каменного угля, — их надо было подбросить в паровозы. Конечно, никто этого не делал — дух патриотизма был силен в мальчишках как никогда. После десантирования взрывчатку сдавали советским властям или просто выбрасывали от греха подальше.

Оставшиеся в детдоме собирали оружие для партизан. Его передавал в отряд заведующий подсобным хозяйством детдома Игнат Шелак. Нечего и говорить, как мечтали детдомовцы сами уйти в партизаны, чтобы приблизить победу и встречу с родными. В августе 1943 года мечта стала явью — Владимира зачислили бойцом в отряд «Большевик» одноименной бригады. Чуть больше полугода «партизанил» парень — ходил в караул, в разведку, на подрыв эшелонов.

Ранней весной 1944 года паренек стал свидетелем трагических событий. Готовилось наступление Красной Армии, и немецкое командование решило очистить свои тылы от партизан. Началась грандиозная блокада, в которой были задействованы регулярные войска противника с танками, артиллерией, самолетами. Брали один-два района, окружали их и с немецкой педантичностью прочесывали каждый метр. Партизанские бригады объединенными силами прорывали блокаду.

Вспоминает Владимир Гудзик прорыв: штурмовые группы с оружием шли впереди, а за ними подтягивалось мирное население, покинувшее дома из-за страха расправы, со скотиной, домашней утварью. Первые встретившиеся на пути немецкие посты были уничтожены, и окрыленные ус-

пехом партизаны двинулись дальше. Вдруг началась бешеная стрельба, стали рваться снаряды. По всей вероятности, партизаны нарвались на крупные силы карателей, и прорыв захлебнулся, кольцо продолжало сжиматься. Оставшиеся в живых рассеялись по лесу. Затаились среди болот. Через две недели вдалеке слышались голоса, лай собак, выстрелы — шли немецкие цепи. Люди начали прятаться кто куда. Володя с перепугу полез на дерево. Слышал, как вокруг кричали, просили пощады люди. Слышал выстрелы... Когда опасность миновала, уцелевшим открылась страшная картина: трупы мужчин, женщин, детей усеяли весь лес. Кого-то нашли под корнем вывороченного дерева, кого-то — в кустах. В плен фашисты не брали, расстреливали на месте. Под большим пнем лежала мертвая девочка, ее рука сжимала залитую кровью куклу...

Как выдержал все это парнишка? Трудно сказать. Просто очень хотелось жить, и это давало силы. Уже через несколько дней небольшая группа партизан решила пробираться назад в свой лагерь. Самым опасным был переход через дорогу. Ведь немцы из страха перед диверсиями вырубали лес по обе стороны от дороги, так что партизанам надо было пройти около 300 метров по открытой местности. Когда они были уже в метрах десяти от дороги, показалась немецкая танковая колонна. Залегли, словно срослись с землей... До сих пор помнит Владимир лязг гусениц, от которого шевелились волосы на голове. Танкисты не заметили их, и танки прогрохотали мимо. Но только партизаны перебрались через дорогу — снова «попали». Их заметил с вышки наблюдатель и открыл огонь. Со всех ног бросились они к спасительному лесу — он привычно укрыл их от пуль...

После прихода советских войск Владимир Гудзик вернулся в Минск. А летом 1944 года произошло первое счастливое событие после трехлетней череды невзгод. Вернувшаяся из эвакуации мать Володи случайно увидела его снимок в газете «Звезда». В мужественном юном разведчике она с трудом узнала своего сына.

После войны Володя, как и его отец, стал военным, окончил военную академию, долгие годы служил в рядах Советской Армии. О нем часто писали в газете КБВО «Во славу Родины» как о хорошем воспитателе молодых солдат. В настоящее время он на пенсии, инвалид Великой Отечественной войны 1-й группы.

ВИКТОР ГУДЫНО

Родился Виктор в 1932 году в Дубровенском районе Витебской области. В 1940 году его отца, политработника Гудыно Александра Александровича, перевели в город Хольно Белостокской области. К новому месту работы прибыл он вместе с семьей. Там и застала их война. Бомбежки, стремительное продвижение вражеских войск. В потоке беженцев Виктор потерял семью, но продолжал идти на восток. Добрался до Минска, оттуда — в детский дом в Дроздах. Здесь нашел новых друзей. Вместе с другими детьми из Дроздов попал в детский дом в Острошицком Городке. Парень был сметливый, находчивый. Уже в 1943 году стал незаменимым помощником партизан. Собрал оружие для партизан отряда «Большевик»: 10 винтовок, 5 тысяч патронов, 25 гранат, 2 пистолета. Рискуя своей жизнью, передал ультиматум коменданту Острошицкого Городка прекратить расстрел мирных жителей.

После освобождения республики Витю определили в детский приемник, который находился в ведении Министерства внутренних дел БССР. Оттуда его перевели в детский дом № 12 г. Минска, где он пробыл до 1946 года. Служил в Советской Армии в составе контингента советских войск в Германии. После демобилизации работал на Минском крупнопанельном заводе домостроения.

МАРАТ КУЗНЕЦОВ

С Маратом Кузнецовым мы были знакомы с довоенных лет — были дружны наши семьи, дружили и мы, подростки. Учились в одной школе.

Самый памятный день в его жизни — 3 сентября 1945 года. В этот день он встретился со своими родителями

после долгой разлуки в четыре военных года. Было ему тогда тринадцать лет. Он сошел с поезда в Минске. Прежде чем отправиться в ближайший детский дом, решил забежать к себе домой. Улица встретила его неприветливо, родного дома не оказалось — сгорел во время бомбежки. С грустью повернул он обратно. Мысли были только об одном — где искать родителей? И вдруг, бывают же в жизни чудеса, Марат увидел идущих по улице навстречу ему мать и отца!

В последний раз он виделся с отцом в первый день войны. В тот воскресный день отец навестил его в пионерском лагере «Дрозды». Кто же мог знать, что веселый пионерский лагерь совсем скоро станет немецким детским домом?! С приходом немцев круто изменилась жизнь. Беда за бедой шла за Маратом. В первую же зиму, а она была суровой, он отморозил ноги. И не мудрено — ведь обут он был в легкие летние ботиночки. Дело дошло до гангрены пальцев на обеих ступнях. Грозил ампутация. Только к середине лета 1942 года сумел он, наконец, встать с пяток на полную ступню. На этом его беды не кончились. В детдоме «Острошицкий Городок», куда нас перевели из Дроздов, он получил тяжелый внутрисуставной (в локте) перелом левой руки от побоев директора детдома. Так и остался на всю жизнь с искривленной рукой.

Тяжело ранен был в голову в Германии, куда он попал в 1944 году. Это случилось в концлагере в Мюнстере в 1945 году. Непонятны были действия наших союзников: их самолеты нанесли сильный бомбовый удар по этому лагерю. Там находились невольники со всей Европы — СССР, Польши, Голландии, Франции, Италии... Вот почему он позже нас вернулся на родину. Марат пошел в школу — в тринадцать лет во второй класс.

После войны Марат окончил медицинский институт, стал врачом-психиатром, кандидатом медицинских наук. Долгое время работал главным врачом психиатрической больницы в Могилеве, теперь занимается преподавательской деятельностью.

ФЕЛИКС ЛЕЛЬЧУК

Война застала Феликса Лельчука в детском доме. Он видел, как гитлеровцы вешали, расстреливали людей. Когда им понадобилось здание для госпиталя, они освободили детский дом: детей вывезли в Германию. По дороге Феликс с приятелями бежал. Мечтали пробиться к своим, уйти дальше на восток. Но впереди был фронт, а вокруг — вражеские гарнизоны.

В лесах накапливали силы партизаны, Феликсу с друзьями удалось примкнуть к отряду «Большевик», и они сразу включились в работу.

...Партизанам не хватало оружия. Его доставали подпольщики в городах и населенных пунктах. Как переправить оружие в отряд? За дело взялись юные патриоты. Прятали под замызганными, изодранными пальтишками гранаты, патроны, детали винтовок и автоматов. Вид у детей был настолько неприглядный и жалкий, что оккупанты брезговали к ним прикоснуться. Для раненых приносили лекарства. Не было соли. Феликс вместе с приятелями покупал ее у спекулянтов, обменивал на продукты. Позже друзья стали выполнять задания Логойского подпольного райкома партии.

В одной из деревень обосновался предатель, фашистский прихвостень Красовский. Работал он в полиции, выслеживал и выдавал бывших красноармейцев, командиров Красной Армии, местных активистов.

Взрослым партизанам в деревне появляться было опасно, там располагался крупный вражеский гарнизон. Феликс с Сеней Левковичем выследили предателя. Партизаны его ликвидировали.

...Оттянув с фронта несколько полнокровных дивизий, фашистское командование предприняло очередную операцию по уничтожению партизан и их баз. Бригада «Большевик» оказалась в кольце. С ней находилось немало местных жителей. Пришлось частично уничтожить, частично закопать в землю тяжелое оружие, громоздкие грузы. На прорыв пошли возле села Березовка, по шоссе Витебск—Минск. Вдоль шоссе каратели выкопали тран-

шей, обнесли их колючей проволокой. В кровопролитном сражении, переходившем местами в рукопашные схватки, партизаны смяли вражеский заслон. Многих не досчитались тогда в бригаде.

Тяжелые бои шли в районе Паликовских болот. Небольшой по численности партизанский отряд, в котором находился Феликс, нанес сокрушительный удар по захватчикам в направлении Хатыни. Горел лес, дымилась болота. Отряд соединился с основными силами бригады. Объединенные силы с возгласом «Ура!» устремились навстречу наступающим частям Красной Армии.

Феликс Лельчук участвовал в знаменитом партизанском параде в июле 1944 года в Минске, сразу же после освобождения столицы Беларуси. Партизанские колонны выстроились на восточном берегу реки Свислочь, напротив разрушенного завода «Большевик». В полном вооружении, с красными флагами прошли партизаны торжественным маршем, рапортуя о результатах трехлетней борьбы с оккупантами.

Было тогда Феликсу шестнадцать, но выглядел он старше — года на двадцать два.

После войны Феликс жил в Одессе. Четверть века проработал он шофером в автохозяйстве. Множество почетных грамот и ценных подарков заслужил за свою трудовую деятельность. О своей жизни в детдоме, о боевом прошлом он рассказывал редко.

Не ощутил Феликс в детстве родительской ласки, не знал домашнего очага. Поэтому с добротой и любовью относился к людям, особенно к своей семье: сыну Игорю и дочери Светлане. К сожалению, его, как и многих товарищей военной поры, сегодня уже нет в живых.

АНАТОЛИЙ МИРАСОВ

Анатолий рано ушел из жизни. Похоронен в Клайпеде, где жил и работал в послевоенные годы. Трудовой путь его начинался с рабочего рыболовецкого судна, закончился — штурманом дальнего плавания.

Это был серьезный паренек, стриженный, похожий на татарина. Именно к нему обратился один из учителей довоенной Острошицкой школы с поручением помочь партизанам выявить немецких прислужников. Сделать это можно было путем постоянного наблюдения, кто и как часто из местных жителей заходил в полицию. Полиция размещалась в здании напротив школы. Ежедневно Толя занимал свой пост на пригорке около школы.

Однажды во время очередного дежурства за его спиной раздались шаги и чей-то голос:

— Что смотришь?

Толя оглянулся. Перед ним стоял полицейский.

— Не бойся, я маленьких не трогаю! Ты, кажется, из детдома?

— Да, из детдома.

— Как вам, детям, там живется?

— Трудновато. Есть нечего, — ответил мальчик.

— Я знаю, что тебя зовут Толя, — продолжал полицейский. — А фамилия твоя Мирасов. Ты дружишь с учителем Войтенковым. Мы это хорошо знаем.

— Нет, я не знаю этого учителя, — ответил Толя.

— Иди отсюда и скажи Войтенкову, чтобы он детей к этой работе не привлекал.

Полицай уходить не торопился. И продолжал:

— Знаю, что тебя зовут в детдоме Татарин. Ну, что молчишь, щенок.

После паузы спросил:

— Кто такие Соколовские? Это жида, полужидки или белорусы? Узнай и придешь доложить.

Толя медленно поднялся и пошел в сторону детдома. Вскоре нашел Войтенкова и рассказал ему о случившемся. Тот выслушал с усмешкой и успокоил парнишку:

— Не расстраивайся, Толя. Это проверка! Так нужно.

Войтенков поручил ему определить надежных ребят из детдома для посылки их с заданием в Минск. Выбор Толи пал на меня.

После войны Толя нашел нашего отца, рассказал ему, что нас с братом немцы увезли в Германию.

— Такие, как Вовка и Ким, не могут погибнуть, — утешал он отца.

Отец просил его рассказать о нас подробнее, и Толя вспоминал:

— Ким (Чистильщик) приносил из деревень старые валенки, а Вова (Сапожник), так звали братьев в детдоме, подшивал их и отдавал младшим детям. Братьев Соколовских боялись в детдоме. Иногда они дрались между собой. Но если кто тронет одного из них, другой, тут как тут, и били обидчиков вместе. Они, не помню, Ким или Вовка, придумали, как наказывать «сексотов», делали им «темную»...

Отец с волнением слушал его, а потом показал Толе телеграмму от командующего 2-м Белорусским фронтом: «Пока, Эдик, твоих не нашел. Ищем. Рокоссовский».

* * *

По-разному сложились судьбы остальных наших товарищей по детдому и лагерям в Германии.

Нашли своих родителей Лева и Толик Морозы. Сейчас они живут и работают в Минске. Оба кандидаты наук. Уехали к себе в Дубровно Сердечные, в Смоленск — Кожевниковы, Лобанов, Шимоновичи, Масюк и Медведев остались в Минске. Как-то в Минске мы встретили Жору Кудина. Оказалось, что он попал в американскую зону и с большим трудом вернулся в родной Минск. В Минске нашел родителей, работал на тракторном заводе, растил трех сыновей. К сожалению, его уже нет в живых. Гена Булдов — архитектор. По его проектам застраивались многие белорусские города. Узнали мы и о судьбе наших старших ребят, которые в 1943 году были увезены из Острошицкого Городка. Оказывается, они попали в диверсионную школу, где немцы готовили их для заброски в советский тыл. Однако на родине все они явились в органы власти и честно обо всем рассказали. Получив среднее образование и различные специальности, они трудились на заводах и фабриках в разных городах страны. В 1946 году несколько раз приходил к нам Володя Ужейкин. Но о

его дальнейшей судьбе ничего не известно. Не довелось встретиться после войны и с Ледиком Петровским, Володи Кузнецовым, Шабловскими, Вальваченой Митей и многими другими.

Хочется надеяться, что они живы, и эта книга попадет кому-нибудь из них в руки. Верю, что, прочитав ее, кто-то из наших друзей военных лет откликнется, даст о себе знать.

Содержание

Слово к читателю	3
От авторов	4
Братья Соколовские	5
В годы военного лихолетья	6
После Победы	66
Друзья военных лет	68
Володя Гудзик	69
Виктор Гудыно	72
Марат Кузнецов	72
Феликс Лельчук	74
Анатолий Мирасов	75

Литературно-художественное издание

Соколовский Климентий Эдуардович,
Соколовский Владимир Эдуардович

ДЕТСКИЙ ДОМ В ТЫЛУ ВРАГА

Редактор *Р.А. Черноглазова*
Ответственная за выпуск *О.П. Соболева*
Художественный редактор *В.Г. Павловец*
Техническое редактирование
и компьютерная верстка *С.Л. Печеновой*
Компьютерный набор *И.В. Грицель, И.Л. Жуковской*
Корректоры *Л.Р. Кузьмина, Г.К. Пискунова,*
Л.К. Семенова

Подписано в печать 04.04.2008. Формат 84x108¹/₃₂.
Бумага офсетная. Гарнитура «Журнальная». Офсетная печать.
Усл.печ.л. 4,2+0,42 вкл. Уч.-изд. л. 3,97+0,35 вкл.

Тираж 1000 экз. Зак. 970.

Республиканское унитарное предприятие «Издательство
«Беларусь» Министерства информации Республики Беларусь.

ЛИ № 02330/0056828 от 02.03.2004.

220004, г. Минск, проспект Победителей, 11.

Республиканское унитарное предприятие «Типография «Победа».
222310, г. Молодечно, ул. В. Тавлая, 11.

ISBN 978-985-01-0775-6

9 789850 107756